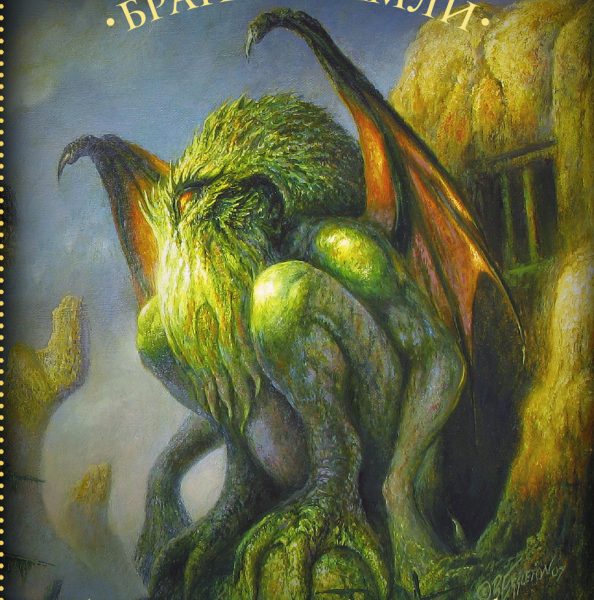

Мифы БТУЛХУ

БРАЙАН ЛАМЛИ

ХАГГОПИАННА
И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

Брайан Ламли
Мифы Ктулху. Хаггопиана
и другие рассказы
Серия «Мастера магического
реализма (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38303621

*Мифы Ктулху: Хаггопиана и другие рассказы [фантастические
произведения] / Брайан Ламли: АСТ; Москва;*

ISBN 978-5-17-107712-9

Аннотация

Мифы Ктулху. Целая вселенная, созданная величайшим писателем-визионером первой половины XX века – Говардом Филлипсом Лавкрафтом. Вселенная, где путь между миром человеческим и миром Великих Древних – непознаваемых вечных существ, проникнутых безграничной злобой (или полнейшим безразличием?) к смертным – открыт практически постоянно. Вселенная, где идет беспрестанная борьба между Светом и Тьмой. Ибо несть числа Темным Богам, и велика сила Ктулху. Прислушайтесь, и вы услышите его голос.

Этот голос звучал в ушах многих талантливых писателей – Роберта Ирвина Говарда и Кларка Эштона Смита, Огюста

Дерлета и Лина Картера, Генри Каттнера и Алана Дина Фостера, Колина Уилсона и Рэмси Кэмпбелла, Роберта Блоха и Томаса Лиготти, Стивена Кинга и Нила Геймана, – однако мало кто из них смог передать услышанное столь полно, как признанный мастер литературы ужасов, лауреат Всемирной премии фэнтези и Премии Брэма Стокера за заслуги перед жанром Брайан Ламли.

Содержание

Предисловие	6
Призывающий Тьму[2]	11
Хаггопиана[6]	38
Цементные стены[7]	78
Дом Ктулху[9]	114
Ночь, когда затонула «Русалка»[10]	134
Имя и число[12]	152
Конец ознакомительного фрагмента.	182

Брайан Ламли

Мифы Ктулху. Хаггопиана

и другие рассказы

Посвящается

светлой памяти Августа Дерлета

Предисловие

Заметки о Мифе Ктулху, Августе Дерлете и издательстве «Аркхэм Хаус»¹

Этот сборник рассказов представляет собой парный том к вышедшему в издательстве «Солярис» сборнику моих повестей о Мифе Ктулху, и, как я уже говорил в предисловии к той книге, я вовсе не намерен давать здесь какое-либо развернутое определение Мифа, поскольку это уже сделали до меня многие другие. Кроме того, раз уж, судя по всему, вы выбрали данную книгу для чтения, вполне разумно предполагать, что вы уже знакомы с самым бессмертным и самым захватывающим творением Г. Ф. Лавкрафта. По крайней мере, он заложил основу Мифа, и с тех пор тот продолжает разрастаться в разных направлениях, подобно расширяющейся зоне зараженной земли и растительности вокруг «Выжженной пустоши» Лавкрафта, – но куда быстрее!

Когда заходит речь о Мифе, большинство автоматически ассоциируют его с Лавкрафтом, что в некоторой степени справедливо, поскольку Ктулху был его творением... но сам

---

¹ “Foreword: Notes on the Cthulhu Mythos, August Derleth, and Arkham House”, 1988. Плешков К. П., перевод на русский язык, © 2018.

Миф – нет. Он появился на свет, когда друзья Лавкрафта – коллеги-писатели, с которыми он постоянно переписывался, некоторые редакторы и другие, кому он сам предлагал взять за основу его литературное творчество, – начали писать собственные рассказы на ту же тему. Но более прочная основа Мифа была заложена лишь после того, как Август Дерлет создал издательство «Аркхэм Хаус» с целью обессмертить Лавкрафта, где и начал публиковать собственные «стилизации» под Лавкрафта и так называемое совместное творчество, вместе с произведениями других авторов в том же стиле. Фактически первый настоящий краеугольный камень лег в фундамент Мифа после того, как в издательстве «Аркхэм Хаус» вышла ставшая вехой в его истории антология Дерлета «Рассказы о Мифе Ктулху» – книга, наконец связавшая воедино казавшуюся нескладной конструкцию. Дерлет собрал в ней весьма удачный список произведений, некоторые из которых, благодаря их едва заметному, но манящему сходству, их темам и аллюзиям, озадачивали и захватывали меня еще в те времена, когда я читал их по отдельности в тех или иных журналах или антологиях. Теперь во всей своей полноте они придали Мифу видимость порядка, сделав его более понятным и осмысленным.

В книге содержалось немало рассказов бывших корреспондентов и друзей Лавкрафта, таких как сам Дерлет, Роберт И. Говард, Кларк Эштон Смит, Фрэнк Белнап Лонг, Роберт Блох, Дж. Вернон Ши, и некоторых других, а также тех,

кто пришел в мир Мифа относительно недавно, таких как Рэмси Кэмпбелл, Колин Уилсон и я сам. Я считаю «Рассказы о Мифе Ктулху» отличным чтением, а сделанный Дерлетом подбор материала первоклассным... но разве я мог бы сказать иначе? Все-таки это было самое первое издание в твердой обложке, где появился мой рассказ – точнее, два.

В любом случае, с исключительно личной точки зрения, я полагаю, что стоящая на втором месте лишь после «Некроскопа» моя книга-прорыв, «Рассказы о Мифе Ктулху», вероятно, была намного важнее для меня, чем любая другая; мой экземпляр давно уже зачитан почти до дыр!

Но, если говорить о Дерлете и издательстве «Аркхэм Хаус», я был отнюдь не первым (и не последним) автором, чей первый вклад в литературу обрел воплощение в блестящем ледерине от фирмы «Холлистон Блэк» – ни в коем случае! Дерлет опубликовал первый сборник Роберта Блоха, «Открыватель пути», и первое издание в твердом переплете романа А. Э. Ван Вогта «Слэн», даже первую книгу Рэя Бредбери «Темный карнавал». Были и многие другие, а некоторым еще предстояло появиться даже после того, как в число авторов издательства вошел я, пришедший относительно поздно.

Так что однозначно следует поблагодарить за все это Августа Дерлета, особенно за сохранение работ Лавкрафта, включая пять обширных томов его писем, но, главное, за то, что он обратил внимание «Аркхэма» на Миф Ктулху. Од-

нако получил ли он в действительности подобную благодарность?

По сути – нет. Напротив, Дерлета немало критиковали в определенных кругах с точки зрения его интерпретации Мифа, главным образом за то, что, создавая его несколько поверхностное «определение», он ввел в него религиозные элементы, параллельные христианской мифологии и внешне не слишком уживающиеся с изначальными намерениями Лавкрафта. Это и некоторые другие мелкие «преступления», совершенные за недолгое время его редакторской деятельности (когда в числе прочих были опубликованы произведения длинного перечня авторов, которыми пренебрегали другие), создали ему славу «еретика», к чему, как ни парадоксально, приложили руку те, кто настаивал на лишенной какой-либо религиозности идеологии Мифа Лавкрафта! Порой мне на самом деле кажется, что самые фанатичные читатели Лавкрафта сделали богом или, по крайней мере, возвели в ранг идола – его самого!

Протест против «ереси» был столь силен, что критике подвергалось название антологии Дерлета, «Рассказы о Мифе Ктулху», и сам Миф. Это произошло, главным образом, потому, что другой представитель Великих Древних, Йог-Сотот, рассматривается как более значимая фигура всего пантеона. Но, как я уже отмечал, можно ли было ожидать, что Дерлет опубликует книгу под названием «Рассказы о Мифическом цикле Йог-Сотота»? Слишком длинно, сложно

и даже, можно сказать, слишком смешно. В то же время название «Рассказы о Мифе Ктулху» вполне удачно не только по *краткости*, но и потому, что «звучит» столь *емко*.

Лично я считаю, что если говорить о Г. Ф. Лавкрафте, то усилия Августа Дерлета можно назвать героическими. Именно благодаря ему Миф продолжает жить. И точно так же, благодаря ему, снова с моей личной точки зрения, я стал тем, кем являюсь сейчас: относительно успешным автором книги, которую вы держите в руках, и многих других.

Все это объясняет, почему вновь я посвятил книгу – именно эту книгу – памяти Августа Дерлета...

Брайан Ламли

Призывающий Тьму²

Это один из первых моих рассказов, написанный в 1967 году, когда еще не была опубликована ни одна из моих работ. «Призывающий Тьму» – производное не только от работ Г. Ф. Лавкрафта, но и других авторов, в особенности Августа Дерлета. Оглядываясь назад, я полагаю, что, вероятно, это была преднамеренная хитрость; именно такие рассказы публиковал Дерлет, именно такие я читал в его сборниках и антологиях, и это был рассказ о Мифе Ктулху. Если коротко, я занимался «изучением рынков», но единственным рынком, на который вышли мои работы, оказалось издательство «Аркхэм Хаус»! В любом случае рассказ Дерлету понравился, и в конце концов он увидел свет в 1971 году в моей первой изданной в «Аркхэм Хаус» книге, под тем же самым названием «Призывающий Тьму». Кстати, Тьма с большой буквы в названии – тоже преднамеренно, поскольку, как вам предстоит узнать, Тьма эта, можно сказать, единственная в своем роде... и слава богу!

На монолитах древние высекли предостережение:

Тем, кто использует силы ночи, чтобы они не принесли

---

² “The Caller of The Black”, from the collection of the same name, Arkham House, 1971. Плешков К. П., перевод на русский язык, © 2018.

*Гибель самим себе, когда их оплакивать будут другие
Вместо них самих...*

Джастин Джеффри³

Однажды ночью, не столь давно, я штудировал некоторые из древних книг, которыми имею удовольствие обладать. Меня побеспокоил стук в прочные двери моего жилища, Блоун-хауса. Возможно, более правильным было бы сказать, что в дверь отчаянно колотили, а не стучали. В то же мгновение я инстинктивно понял, что должно случиться нечто из ряда вон выходящее – и предчувствие меня не обмануло.

Ночь выдалась ветреной. Когда я открыл дверь, чтобы выпустить стоящего на пороге худого незнакомца, порыв ветра принес вместе с ним горсть осенних листьев. Он быстрыми порывистыми движениями нервно стряхнул их с одежды и волос. От незнакомца исходила ощутимая аура страха, и я подумал о том, что могло его так напугать. Вскоре мне предстояло об этом узнать. Слегка дрожащим голосом он представился, назвавшись Кэботом Чемберсом.

Слегка успокоившись после бокала хорошего бренди, Чемберс сел перед горящим камином и рассказал историю, которую счел мало правдоподобной даже я, хотя мне доводилось слышать немало странного. Мне были знакомы некоторые легенды, в которых говорилось о существовании по-

---

³ Джастин Джеффри – поэт-бодлерист, герой рассказа Р. Говарда «Черный камень», автор поэмы «Люди Монолита».

добного во времена древней юности Земли. Но я был уверен, что большая часть Темного Знания погибла с началом царствования цивилизованного человечества – или, самое позднее, во времена библейского «Сожжения Книг». В моей богатой библиотеке оккультных и запретных книг есть такие работы, как «Подлинные заметки о Некрономиконе» Фири, отвратительный «Хтаат Аквадинген», перевод «Фрагментов Г'харна» сэра Эмери Уэнди-Смита (неполный и сильно сокращенный), потрепанный экземпляр «Пнакотических рукописей» (возможно, поддельный), практически бесценные «Культы упырей» и многие другие, включая такие труды по антропологии, как «Золотая ветвь» и «Культ ведьм» мисс Мюррей. Однако мои знания о том, что описывал Чемберс, оставались крайне смутными и отрывочными.

Но я отвлекаюсь. Чемберс, как я уже говорил, был крайне напуган, и вот что он мне рассказал:

– Мистер Титус Кроу, – сказал он после того, как в достаточной степени успокоился и согрелся после ночной прохлады, – честно говоря, не знаю, почему я пришел к вам, так же как не знаю, чем вы можете мне помочь. Я обречен, обречен Черной Магией. И, хотя я сам навлек ее на себя, и мне известно, что жизнь, которую я вел, нельзя назвать *достойной подражания*, мне вовсе не хочется, чтобы для меня все закончилось точно так же, как для бедняги Саймондса!

Услышав это имя, я удивился, поскольку фамилия Саймондс совсем недавно упоминалась в прессе в контексте не

слишком приятных событий. Случившийся с ним сердечный приступ или мозговой спазм был столь же неожиданным, как и необъяснимым, но теперь, возможно, Чемберс мог в некоторой степени пролить на него свет.

– Это все этот фанатик Гедни, – продолжал Чемберс. – Он уничтожил Саймондса, а теперь преследует меня. Мы с Саймондсом, люди, можно сказать, вполне состоятельные, стали последователями дьявольского культа Гедни. Просто от нечего делать. Мы оба были холостяками, и наша жизнь превратилась в нескончаемый парад ночных клубов, спортивных клубов, мужских клубов и прочих клубов. Вам подобная жизнь может показаться не слишком скучной, но поверьте, какое-то время спустя даже самая большая роскошь и лучшие удовольствия утрачивают свой вкус, заставляя искать самые изысканные – или извращенные – ощущения. Так было и с Саймондсом, и мной, когда нас познакомили с Гедни в одном из клубов. И когда он предложил нам испытать подобные ощущения, мы с радостью стали членами его культа.

О да, это звучит смехотворно! Вы знаете, что многие считают его всего лишь очередным сумасшедшим? Мы даже не догадывались о том, чего от нас ждут, и после того, как мы прошли первый процесс инициации в загородном доме Гедни недалеко от Лондона, занявший почти две недели, мы вдруг оказались лицом к лицу с истиной. Гедни – дьявол, и один из самых отъявленных. По сравнению с ним маркиз де Сад в расцвете сил выглядит анемичным кретином. Господи,

если вы читали Коммода, вы имеете базовое представление о Гедни. Но вам следует заглянуть в труды Каракаллы, чтобы по-настоящему оценить глубины его нечестивой души. Загляните как-нибудь в колонку с объявлениями о пропавших без вести!

Естественно, мы попытались выйти из игры, и нам бы это удалось, если бы Саймондс, несчастный дурак, не оказался чересчур болтлив. Проблема с Саймондсом заключалась в том, что он любил выпить. Однажды вечером, чересчур перебрав, он открыто унизил Гедни и все его фокусы, не зная, что нас в этот момент окружали люди из команды Гедни – к тому же полноправные члены его культа! Возможно, этот дьявол специально приставил их к нам, чтобы проверить. Так или иначе, с этого все и началось. Вскоре Гедни прислал нам приглашение на ужин в клуб, который он посещал, и мы из любопытства пошли. Думаю, если бы не пошли, это тоже ничего бы не изменило. Просто все случилось бы несколько быстрее, только и всего. Само собой, Гедни уже успел выманить у нас немалую сумму денег, и мы думали, что, вероятно, он хочет еще. Но мы ошибались! За напитками, в своей обычной самоуверенной манере, он начал угрожать нам самыми страшными карами, какие только можно вообразить, если мы когда-либо осмелимся его порочить. Ну и Саймондс, как всегда, ошетинился и намекнул на полицию. Если бы взгляды могли убивать, Гедни прикончил бы нас прямо на месте. Но вместо этого он просто встал и ушел,

сказав нечто насчет «визита Тьмы». До сих пор не понимаю, что он имел в виду.

Пока Чемберс рассказывал, голос его становился все громче, едва не срываясь на истерику, но, когда я наполнил его бокал, он, похоже, взял себя в руки и продолжал уже более нормальным тоном:

– Три дня назад мне позвонил Саймондс – да, в ту самую ночь, когда он умер. С тех пор я чувствую себя словно на краю пропасти. Потом я вспомнил, что слышал что-то о вас и о том, что вы многое знаете о подобных вещах, и пришел к вам. Когда Саймондс звонил мне в ту ночь, он сказал, что нашел в почтовом ящике конверт без адреса и что ему не понравился вид лежавшей внутри карточки. Он сказал, что она напомнила ему о чем-то неописуемо зловещем и что он уверен – ее прислал Гедни. Он попросил меня приехать к нему. До его городской квартиры оставалось полмили, когда у меня сломалась машина. Сейчас, если подумать, то оно и к лучшему. Я пошел дальше пешком, и мне оставалось пройти всего квартал, когда я увидел Гедни. Вид у него *был* такой, что достаточно повидать однажды, чтобы никогда не забыть – черные как ночь волосы, зачесанные назад, густые брови над пронизывающими глазами, какие часто можно встретить у людей с очень сильным характером. Если вы видели фильмы ужасов с Белой Лугоши⁴, вы поймете, что я имею в виду.

---

⁴ *Бела Лугоши* – актер театра и кино, уроженец Венгрии. Славу ему принесло исполнение роли графа-вампира в фильме, ставшем классикой киноиндустрии

Он в точности такой же, хотя лицо у него более худое, чем-то похожее на лицо мертвеца.

Он стоял в телефонной будке, не замечая меня. Быстро попятившись, я скрылся в подворотне, откуда можно было за ним наблюдать. К счастью, он меня не видел. Похоже, он был полностью сосредоточен на своем занятии. Он говорил по телефону, склонившись над ним, словно стервятник над трупом. Господи! Никогда не забуду выражения его лица, когда он вышел из будки! Чудо, что он меня не увидел, пройдя совсем рядом с подворотней, где я стоял. Я как можно сильнее вжался в темный угол, и, хотя, как я уже сказал, он меня не видел, я разглядел его очень хорошо. Он смеялся – если выражение его лица можно описать подобным словом. Говорю вам, никогда не встречал кого-либо, выглядевшего столь устрашающе. А в ответ на его чудовищный смех послышался отдаленный крик!

Сначала он был едва слышен, но неожиданно стал громче, а затем внезапно оборвался, оставив после себя лишь далекое эхо. Крик доносился со стороны квартиры Саймондса.

Когда я добрался туда, кто-то уже вызвал полицию. Я был одним из первых, кто его увидел. Кошмарное зрелище. Он лежал вытянувшись на полу, в халате, мертвый. И его лицо! Говорю вам, Кроу, в ту ночь произошло нечто чудовищное.

Но – учитывая то, что я видел до этого, то, чем занимался Гедни в телефонной будке, – больше всего привлек мое вни-

мание в этой жуткой квартире именно телефон. Что бы там ни случилось, оно произошло, когда Саймондс говорил по телефону, поскольку трубка была сброшена с рычагов, болтаясь на конце провода...

На этом рассказ Чемберса, по сути, заканчивался. Я протянул ему бутылку и новый бокал и, пока он ими занимался, воспользовался возможностью, чтобы снять с полки старую книгу, которую мне когда-то повезло найти в Каире. Название ее мало что вам скажет, достаточно лишь того, что содержание ее составляют многочисленные заметки, суть которых касается ряда сверхъестественных заклинаний. Текст этой книги отчасти позволяет отнести ее к категории «не для слабонервных». Я знал, что в ней имеется упоминание о «Тьме», той самой, о которой Гедни говорил Чемберсу и Саймондсу, и я быстро проглядел ее. К несчастью, книга в очень плохом состоянии, хотя я и предпринял меры против ее дальнейшего разрушения, и единственная ссылка, которую я сумел найти, заключалась в словах:

Крадущая воздух, Крадущая свет...

Тень – поглоти моих врагов...

Бросался в глаза один весьма заметный факт. Независимо от того, что в действительности повлекло смерть Саймондса, в газетах отмечалось, что на его теле имелись все признаки удушья...

Меня это крайне заинтересовало. Само собой, Чемберс не мог поведать свою историю полиции, поскольку что, по сути, они могли предпринять? Даже если бы они и нашли в его рассказе нечто необъяснимое или странное и, возможно, решились бы провести расследование, сам Чемберс был свидетелем того, что Гедни находился в телефонной будке, по крайней мере, в ста ярдах от потерпевшего в момент его смерти. Нет, вряд ли он мог пойти в полицию. Говорить с представителями закона о другой деятельности Гедни означало навлечь подозрения на себя – учитывая его «инициацию», – а ему вовсе не хотелось, чтобы об этом кто-то знал. Однако он чувствовал, что должен что-то сделать. Он опасался, что судьба, постигшая Саймондса, уготована и ему – и не ошибся.

Прежде чем Чемберс покинул мой дом, оставив меня предаваться размышлениям, я дал ему ряд указаний, сказав, что если он каким-то образом получит открытку, похожую на ту, которую упоминал Саймондс, со странным узором, он должен немедленно связаться со мной, а затем, пока мы не встретимся, запереться в своем доме и никого не впускать. Кроме того, после звонка мне он должен был отключить телефон.

После того как он ушел, я достал свою папку с необычными газетными вырезками и нашел сообщение о случившемся с Саймондсом. Поскольку это произошло недавно, мне не пришлось долго искать. Заметку о Саймондсе я сохранил

потому, что меня не удовлетворило заключение коронера. У меня зародилось некое подозрение, нечто вроде шестого чувства, подсказывавшего, что тут явно что-то нечисто. Память меня не подвела. Я перечитал строки, от которых мне в свое время в первую очередь стало не по себе. Полиция обнаружила в сжатом кулаке Саймондса обрывки чего-то похожего на открытку из очень тонкой бумаги. На ней виднелись странные, написанные чернилами символы, но фрагменты не удалось собрать воедино, и их оставили без внимания, сочтя несущественными.

Я знал, что среди колдунов у менее цивилизованных народов имеется обычай предупреждать намеченную жертву о ее предстоящей судьбе. Обычно с этой целью несчастному вручают некий зловещий символ, а затем, дав ему испугаться до полусмерти, колдун вызывает в присутствии жертвы – или на расстоянии слышимости – дьявола, которому предстоит выполнить грязную работу. Появляется ли дьявол на самом деле или нет – это уже другой вопрос. Но одно можно сказать наверняка – жертва почти всегда умирает... Естественно, будучи до мозга костей суеверным дикарем, он умирает от страха... Или нет?

Сначала я считал, что нечто подобное имело место и в случае с Саймондсом и Чемберсом. Один из них, вероятно, с чьей-то помощью, уже напугался до смерти, а со вторым происходило то же самое. Нервы у Чемберса, когда я его видел, явно были не в порядке. Однако теория моя оказалась оши-

бочной, и вскоре мне пришлось ее радикальным образом пересмотреть. Через несколько часов после ухода из Блоун-хауса Чемберс позвонил мне, и голос его звучал на грани истерики.

– Господи, я получил это письмо! Этот дьявол прислал мне его. Послушайте, Кроу, вы должны немедленно приехать. После того как я ушел от вас, я зашел немного промочить горло и только что вернулся домой. И знаете, что я обнаружил в коридоре? Конверт, вот что, а внутри него – ту самую чертову открытку со странным узором! Она меня до смерти пугает. Он меня преследует, эта свинья! Кроу, я запер двери, как вы сказали, и могу открыть входную дверь дистанционно из своей комнаты, чтобы впустить вас, когда вы приедете. У вас ведь «мерседес», да? Кажется, да. Как только вы скажете, что приедете, я положу трубку и отключу телефон. Так вы приедете?

Я ответил, что буду через несколько минут, и повесил трубку. Быстро одевшись, я поехал прямо к его дому. Поездка заняла около пятнадцати минут, поскольку дом его находился на окраине города, возле старой водяной мельницы. Дом стоял на отшибе, и, подъезжая к нему, я с удивлением отметил, что все огни в доме горят, а входная дверь распахнута настежь! Когда я затормозил, меня частично ослепили фары второго «мерседеса», с ревом промчавшегося мимо меня в сторону дороги. Выскочив из машины, я попытался разглядеть его номер, но меня отвлекли раздавшиеся из до-

ма крики.

Жуткие вопли ужаса доносились откуда-то сверху, и, подняв взгляд, я увидел темную тень, падавшую на зарешеченное окно. Тень, похоже, была странным образом искажена, ибо, несмотря на человеческие очертания, выглядела крайне объемистой, больше напоминая тень гориллы. Я зачарованно смотрел, как эта черная карикатура отчаянно царапает себя – и вдруг понял, что движения ее мне знакомы! Точно такими же Чемберс сбрасывал с себя листья у меня в коридоре.

Но это явно не мог быть Чемберс – тень принадлежала намного более грузному человеку, некоему толстяку, даже с учетом необъяснимого искажения! Я в ужасе наблюдал за ней, не в силах пошевелиться, в то время как вопли становились все громче, а трясущаяся, скребущая себя тень все больше. Внезапно крики сменились бульканьем и стихли, распухшие руки конвульсивно дернулись и поднялись вверх, словно в немой мольбе. Чудовищный силуэт продолжал увеличиваться, по мере того как его обладатель, шатаясь, двигался в сторону окна, словно не видя ничего перед собой. А потом, на несколько мгновений, когда он упал на тонкую решетку окна, я его увидел – огромное черное подобие человека, которое с треском проломило окно, со звоном разбитого стекла вышибло раму и, вывалившись в ночь с тошнотворным треском ломающихся костей, рухнуло у моих ног.

Изломанное тело, лежавшее передо мной на покрытой

гравием дорожке, выглядело совершенно обычно... и принадлежало Кэботу Чемберсу!

Сумев наконец хоть как-то взять себя в руки, я осмелился разжать крепко стиснутый правый кулак трупа и обнаружил в нем то, что и предполагал. Холодеющие пальцы сжимали хрупкие обрывки того, что, как я знал, когда-то было чем-то вроде открытки. На некоторых более крупных фрагментах виднелись символы, которые, насколько мне было известно, можно было отождествить лишь с рядом клинописных надписей на Разбитых колоннах Гефа.

Я позвонил в полицию, не называя себя, и быстро уехал, ибо весь дом теперь был пропитан запахом странной, неестественной смерти. Бедняга Чемберс, подумал я, отъезжая, – вероятно, увидев тот, второй, «мерседес», он решил, что это я. Я старался не думать о тени или о том, что она означала.

В ту ночь я плохо спал. Первое, что я сделал, проснувшись на следующее утро, – осторожно поинтересовался архивными данными о деятельности некоего мистера Джеймса Д. Гедни. У меня много друзей, занимающих посты, благодаря которым они порой бывают мне крайне полезны, когда требуется кое-какая детективная работа. Друзья помогли мне и на этот раз, значительно облегчив задачу. Я выяснил телефонный номер Гедни, которого не было в справочнике, и сделал ряд заметок о его личных предпочтениях и антипатиях, а также запомнил имена его друзей, клубов и мест, где он часто бывал, – в общем, составил свое представление

об этом человеке. То, что мне удалось узнать, лишь подтверждало мнение Чемберса. Те, с кем общался Гедни, относились к людям самого худшего сорта, а места, которые он посещал, были в основном весьма сомнительного характера. У него не было никаких видимых средств к существованию, и, тем не менее, он выглядел весьма состоятельным, владея, в числе прочего, большим загородным домом, и, что самое интересное, новеньким «мерседесом». Все остальное, что я узнал о Гедни, бледнело на фоне одного лишь этого факта.

Следующим моим шагом, после завершения «досье» на Гедни, стало выяснение всех подробностей о таинственной сущности под названием «Тьма», на что я потратил почти неделю, разыскивая ряд уникальных томов в полутемных и не менее уникальных архивах Британского музея. Я так же внимательно изучил собственные книги, которые тоже нельзя было отнести к числу обычных. В музее, с разрешения куратора Отдела особых изданий, еще одного моего друга, я получил доступ к самым таинственным и внушающим ужас томам, но мне не повезло. Единственная ссылка, которую мне удалось найти – чему в свете последовавших событий я придаю особое значение, – оказалась в одной из моих собственных книг, о которой я упоминал раньше. Четыре бесвязных строчки из «Людей монолита» Джастина Джеффри – и ничего больше.

На монолитах древние высекли предостережение

*Тем, кто использует силы ночи, чтобы они не принесли
Гибель самим себе, когда их оплакивать будут другие
Вместо них самих...*

Потом я вспомнил своего американского друга, обладавшего удивительной эрудицией в области фольклора и всего связанного с ужасами и темными силами. В прошлом он учился под руководством признанного гения в области древних преданий, Уилмарта из Мискатоникского университета⁵. Мы обменялись парой интересных телеграмм, и именно этот житель Новой Англии впервые рассказал мне о птетолитах – доисторической расе полулюдей, якобы обладавших умением призывать дьяволов, которых они насылали на своих врагов. В самом начале времен, если верить легендам о Гиперборее, птетолиты посылали подобных дьяволов против Эдрила Гамбиза и его Адских орд, укрывавшихся на донеолитическом острове Эсипиш в тогдашнем Северном море. К несчастью для птетолитов, они, похоже, забыли о своих собственных предупреждениях, ибо именно старейшины их собственного племени в еще более древние времена высекли на Разбитых колоннах Гефа:

*Пусть тот, кто зовется Тьмой,
Помнит об опасности —
Жертву его может защитить*

---

⁵ Вымышленный университет, расположенный в вымышленном городе Аркхэм, штат Массачусетс. Придуман Говардом Лавкрафтом.

*Заклятье текущей воды,
Которая обратит заклятье
Против самого, его вызвавшего...*

Отсюда, как я понимаю, и выдающиеся строки Джеффри. О том, что в точности случилось с птетолитами, не сохранилось никаких сведений, или сведения эти были уничтожены, за исключением невнятных намеков в самых невразумительных книгах. Я знаю лишь, что в одном тибетском монастыре есть монахи, которые знают и понимают многое из подобных вещей. Если история и сохранила что-то, кроме самых поверхностных деталей о гибели птетолитов, то записи об этом, вероятно, сгорели во времена охоты на ведьм в шестнадцатом – семнадцатом веках, и, за исключением нескольких случаев, о которых я упоминал, от подобных знаний сегодня ничего не осталось.

За исключением этой информации из Аркхэма, остальные результаты моих исследований полностью меня разочаровали. Одно лишь можно было сказать наверняка – я полностью отказался от своей теории о самовнушенной смерти от страха. И Саймондс, и Чемберс были достаточно умны, чтобы не поддаваться воздействию любого колдуна, кроме того, это не объясняло происходившего с тенью Чемберса. Более того, Гедни явно не был колдуном, и отчего-то я не сомневался, что он имеет доступ ко вполне реальному и разрушительному магическому средству. Последняя телеграмма, получен-

ная из Америки, окончательно меня *в этом* убедила.

Я полностью доверяю Абдулу Альхазреду, которого многие называют «Безумным Арабом». И, хотя мой экземпляр «Заметок о Некрономиконе» Фири вряд ли можно назвать надежным руководством, книга самого Альхазреда, или ее перевод, сделанный в Мискатоникском университете, – совсем другое дело. Мой ученый друг нашел в «Некрономиконе» ссылку, где упоминается Тьма. В ней говорилось следующее:

«...из пространства, которое не является пространством, в любой момент, когда произнесены Слова, обладающий Знанием может вызвать Тьму, кровь Йибб-Тстлла, которая живет отдельно от него и пожирает души, которая удушает и которую называют Тем, кто Топит. Лишь в воде можно избежать утопления, ибо то, что в воде, уже не тонет...»

Это было все, что мне требовалось, чтобы разработать план – опасный план, но, учитывая, сколь болезненно реагировал Гедни на тех, кто ему угрожал, он наверняка должен был дать результат.

Вскоре я начал претворять план в жизнь. Сначала, притворившись пьяным, я начал посещать места, где бывал Гедни, предаваясь своим пресыщенным удовольствиям. В конце концов мне показали на него в одном из ночных клубов с сомнительной репутацией. Вряд ли это требовалось, поскольку

описание Чемберса полностью ему подходило, и наверняка я и сам узнал бы этого человека, не будь там столь многолюдно и полутемно.

Затем, в разговоре с людьми, которые, как я знал, были непосредственно связаны с Гедни, я дал понять, что я бывший друг обоих погибших и что они рассказывали мне о Гедни как об омерзительном чудовище, которого, если представится такая возможность, я с радостью бы разоблачил. Слегка заплетающимся языком я добавил, что собираю на него досье, которое намерен в конечном счете представить властям. Но, хотя я играл роль обычного пьяницы, на самом деле я еще никогда не был настолько трезв за всю свою жизнь. Я был уверен, что затеянная мною игра приведет к результатам, которые мог бы обратить в свою пользу лишь абсолютно здравомыслящий человек.

Однако прошло больше недели, прежде чем мой поступок возымел действие. Я сидел в тускло освещенном Демон-клубе, пьяно облокотившись о стойку бара. Возможно, я слегка переигрывал, поскольку, прежде чем я понял, что Гедни здесь, он уже оказался рядом со мной. Я уже знал о его способности подавлять других одним своим видом, но даже при всем при этом оказался не готов к встрече. Этот человек излучал власть. Он был настолько высок, что даже мне приходилось смотреть на него снизу вверх со своих шести футов роста. Одетый в плащ с безвкусным воротником, он смотрел на меня темными пронизывающими глазами, демонстрируя

пренебрежительно-надменное отношение – которое, как я знал, было наигранным.

– Мистер Титус Кроу, как я понимаю? Стоит ли мне представляться? Думаю, нет – вы уже меня знаете, или думаете, будто знаете. Позвольте мне кое-что вам сказать, мистер Кроу. Вы идете по очень опасному пути. Уверен, вы понимаете, что я имею в виду. Мой совет вам, мистер Кроу, – не будите спящую собаку. Я слышал о вас – вы своего рода оккультист, обычный дилетант, с которым я в другой ситуации даже не стал бы связываться. К несчастью, вы отличаетесь извращенным образом мыслей и клеветническим языком. Мой совет – прекратите совать свой нос в дела, которые вас не касаются, прежде чем мне пришлось бы принять соответствующие меры. Что скажете, мистер Кроу?

– Гедни, – ответил я, – если я не ошибаюсь, вы самое отвратительное воплощение зла, и вам доступны знания, которые в ваших руках несут угрозу душевному здоровью всего мира. Но вам меня не запугать. Я сделаю все возможное, чтобы доказать, что вы ответственны за смерть, по крайней мере, двух человек, и предать вас в руки правосудия.

Важно было дать понять Гедни, что я что-то знаю, но так, чтобы он не почувствовал подвоха. Сказав свое и не дожидаясь ответа, я протиснулся мимо него и, пошатываясь, вышел под вечернее небо. Быстро затерявшись в толпе искателей развлечений, я добрался до своей машины и поехал в Блоун-хаус, где подготовил всю необходимую оборону.

Я живу один, и на следующую ночь, обходя Блоун-хаус перед тем, как лечь спать, я нашел брошенный в мой почтовый ящик конверт без адреса.

Я ожидал, что получу его, и точно знал, что окажется внутри, но не собирался его вскрывать. Не будучи полностью уверенным, что Гедни действительно обладает магической силой, я предполагал, что в конверте может быть какой-нибудь загадочный смертельный яд, обладающий способностью почти мгновенно разлагаться.

Несмотря на то что я точно знал, что произойдет дальше, я на мгновение замер, когда зазвонил телефон. Приподняв трубку на дюйм, я снова опустил ее на рычаг, разорвав связь. В течение следующего получаса мне пришлось повторить те же действия трижды – несмотря на ошибки, которые я совершал в прошлом, в их число не входили неосторожность, или глупость, каковой являлся бы ответ на звонок.

Саймондс умер, разговаривая по телефону, и я не знал, что стало причиной его смерти – какое-то слово-сигнал, связанное с постгипнотическим внушением, или что-то еще, – но в любом случае у меня не было никакого желания это выяснять.

Я подождал еще двадцать минут, но телефон молчал. Пора было действовать.

Гедни наверняка уже прекрасно понимал, что я хорошо осведомлен. Достаточно было того, что я не ответил на его звонок. Если бы я просто отключил телефон, получив кон-

верт, Гедни, слыша длинные гудки, мог подумать, что меня нет дома. Но он слышал, как снимали и бросали трубку. Он знал, что я дома, и если он потрудился навести справки обо мне, то должен был знать, что я живу один. Я надеялся, что мой отказ ответить на звонок его не отпугнет.

Затем я сделал то, что могло показаться полнейшим безумием, – открыл входную дверь Блоун-хауса! Меня вполне устраивал приход Гедни.

Примерно через полчаса снаружи послышался звук двигателя. К тому времени я был у себя в спальне, сидя в мягком кресле спиной к стене, лицом к двери в коридор. Рядом, справа от меня, лежал омерзительный конверт. На мне был халат, а слева свисала пластиковая занавеска от пола до потолка. Прямо передо мной стоял маленький столик, на котором лежали конверт и томик стихов. Я намеревался к приходу Гедни сделать вид, будто читаю.

Блоун-хаус – довольно обширный дом-бунгало, специально приспособленный к моим своеобразным вкусам. Я воспользовался его уникальным дизайном, составляя свой план, и обеспечил себе максимум безопасности против атаки, которая, вне всякого сомнения, должна была начаться в ближайшее время.

Наконец, снова послышался шум автомобиля, который на этот раз остановился прямо возле дома. Прежде чем двигатель смолк, я услышал отчетливый хруст гравия – машина въехала на подъездную дорожку. Несколько секунд спу-

стя во входную дверь постучали. После короткой паузы стук раздался снова, но я продолжал сидеть, не двигаясь с места. Прошло еще несколько секунд, во время которых я почувствовал, как у меня медленно поднимаются дыбом волосы. Затем входная дверь со скрипом открылась. Только сейчас я понял, что мне не хватает воздуха – я настолько сосредоточился, что на мгновение перестал дышать.

Нервы мои напряглись до предела, и хотя все огни в доме горели, я чувствовал себя так, словно был окружен крошечной тьмой. В коридоре слышались медленные шаги, миновали мой кабинет и остановились прямо за дверью передо мной. Дверь распахнулась, и вошел Гедни.

Поднявшись с кресла, я положил томик стихов на стол. Я продолжал играть свою роль. Но на этот раз, хотя я и пытался изобразить подвыпившего, главной задачей было продемонстрировать неподдельное изумление.

– Гедни! Что, черт побери?.. – взорвался я, вскакивая на ноги и наклоняясь к нему через стол. – Что это значит? Кто вас сюда звал?

Сердце мое подступило к горлу, но я играл свою роль так хорошо, как только мог.

– Добрый вечер, мистер Кроу, – зловеще улыбнулся Гедни. – Кто меня звал? Что ж, вы сами, отказавшись последовать моему предупреждению и не пожелав воспользоваться телефоном. Что бы ни было вам обо мне известно, Кроу, это уже не имеет значения, ибо обречено на смерть сегодня вме-

сте с вами. По крайней мере, можете быть довольны, что оказались правы. Мне действительно доступно иное знание, которое я намерен применить прямо сейчас. Так что повторяю: доброго вам вечера, мистер Кроу, – и прощайте!

Гедни стоял между столом и дверью. Закончив говорить, он выбросил вверх руки и начал хрипло завывать, читая столь зловещее заклинание, что одних звуков было достаточно, чтобы повергнуть в ужас душу чуть более робкую, чем моя. Я никогда прежде не слышал подобного заклинания, хотя мне доводилось слышать другие, но когда голос смолк, цель его сразу же стала ясна. Во время заклинания я был буквально парализован, не в силах пошевелиться, и теперь мне стало понятно, каким образом Саймондс был вынужден выслушать его по телефону. С самых первых слов Саймондс стоял как статуя, прижав трубку к уху, не в силах двинуться с места, пока по проводам ему подписывали смертный приговор.

Когда стихло эхо зловещих завываний, Гедни опустил руки и улыбнулся. Он увидел конверт возле моей руки, и, когда его жуткий смех начал заполнять комнату, я понял смысл слова «Тьма»...

Не заклятие колдуна, но древний, как вечность, фрагмент волшебства, прошедший сквозь бесчисленные столетия. Это пришло из тех времен в далеком прошлом Земли, когда невообразимые существа из чужой неведомой вселенной порождали странные создания в первобытной слизи. Весь этот

ужас...

На меня опустилась черная снежинка! Именно на нее она была похожа – на холодную черную снежинку, пятном расплзшуюся на моем левом запястье. Но прежде чем я успел разглядеть ее внимательнее, еще одна упала мне на лоб. А потом они полетели со всех сторон, все быстрее и быстрее – кошмарные снежинки, которые садились на меня, ослепляя и душа.

Ослепляя?... Душа?..

Перед моим мысленным взором вспыхнули фразы из Джеффри, «Некрономикона» и «Ибигиба». «Крадущий свет – крадущий воздух...» Надписи с колонн Гефа: «Заклятье бегущей воды...» Альхазред: «То, что в воде, уже не утонет...»

Приманка была схвачена; оставалось лишь спустить капкан. Но что, если я ошибался?

Быстро, пока у меня еще оставалась способность двигаться, я отодвинул в сторону занавеску слева и швырнул нераспечатанный конверт к ногам Гедни. Сбросив халат, я шагнул на кафельную плитку за занавеской и лихорадочно нашарил кран, чувствуя, как меня сжимают ледяные тиски безотчетного ужаса. Секунды, требовавшиеся воде, чтобы пройти по трубам, казались вечностью, в течение которой на меня опустились новые тысячи чудовищных снежинок, покрывая все мое тело тусклым черным слоем.

А затем на меня хлынула милосердная вода. «Тьма» ис-

чезла! Ее не смыло с меня – ее просто не стало. Вернее, не совсем – ибо она тотчас же появилась снова, но в другом месте!

Смех Гедни походил на лай крупной собаки, но когда я шагнул под душ и оттуда потекла вода, он перестал смеяться, раскрыв рот и выпучив глаза, и прохрипел что-то неразборчивое, делая протестующие жесты руками. Он не мог понять, что случилось, ибо все произошло слишком быстро. Его жертва вырвалась из капкана, и он не мог поверить своим глазам. Но ему пришлось поверить, когда на него начали опускаться первые черные снежинки! Под его глазами, в которых внезапно отразилось понимание, сгустились тени, а лицо посерело, когда я произнес из-под душа, где мне ничто не угрожало:

*Пусть тот, кто зовется Тьмой,
Помнит об опасности —
Жертву его может защитить
Заклятье текущей воды,
Которая обратит заклинье
Против самого его вызвавшего...*

Но этого мне было мало. Мне хотелось, чтобы Гедни навсегда запомнил меня, в какой бы ад он сейчас ни отправлялся, и потому, повторив предупреждение древних птето-литов, я сказал:

– Доброго вам вечера, мистер Гедни, – и прощайте...

Жестоко? Что ж, можете называть меня жестоким — но разве Гедни не готовил мне точно такую же судьбу? И сколько других, вместе с Саймондсом и Чемберсом, умерли от невообразимого колдовства этого дьявола?

Он начал кричать. Захваченный врасплох, он не двигался с места, пока тьма не окутала его почти полностью, но теперь, осознав ужасную правду, он попытался добраться через комнату до душа. Это был его единственный шанс спастись, и он, неуклюже спотыкаясь, двинулся вокруг стола в мою сторону. Но если Гедни был дьяволом, то в каком-то смысле был таковым и я сам и потому предпринял необходимые меры предосторожности. В углу душа я заранее поставил длинный шест, и теперь, схватив его, начал отталкивать от себя пронзительно вопящее человекоподобное существо.

Чем больше «Тьмы», зловещей крови Йибб-Тстлла, оседало на его теле, тем отчаяннее он пытался отряхиваться хорошо знакомыми мне движениями, постоянно что-то бормоча и пытаясь прорваться мимо моего шеста. К этому времени темная субстанция покрывала его густым слоем толщиной в дюйм, словно черная мантия, окутавшая его с головы до пят. Оставались видны лишь один глаз и вопящий рот, и очертания его фигуры быстро начали походить на копию той раздувшейся чудовищной тени, которую я видел в ночь смерти Чемберса.

В моей комнате теперь буквально шел черный смертоносный снег, и конец был близок. Вытаращенный глаз Гедни и

его кричащий, покрытый пеной рот скрылись под продолжавшей сгущаться чернотой, и звуки, которые он издавал, тотчас же смолкли. В течение нескольких секунд он, агонизируя, исполнял нечто похожее на жуткий танец, и, не в силах вынести этого зрелища, я шестом сбил его с ног. Мои мольбы о том, чтобы ему пришел быстрый конец, возымели действие. Тело его начало пульсировать! Да, только так я могу это описать – несколько мгновений оно пульсировало на ковре, а затем застыло неподвижно. Казалось, свет потускнел, и по дому пронесся порыв ветра. Вероятно, я на какое-то время лишился чувств, поскольку, очнувшись, обнаружил, что лежу вытянувшись на ковре, все еще слыша позади шум льющейся из душа воды. «Тьма» исчезла столь же таинственным образом, как и появилась, вернувшись в породившее ее иное измерение и забрав с собой душу Гедни, от которого осталась лишь безжизненная оболочка...

Позже, основательно напившись, я открыл конверт и, как и следовало ожидать, обнаружил там обрывки тонкой бумаги. Еще позже, усадив рядом с собой быстро коченеющий труп с высунутым языком, я поехал к загородному дому Гедни. Припарковав его машину в небольшой роще в стороне от дороги, я в предрассветных сумерках отправился пешком назад в Блоун-хаус. Утренний воздух казался странно свежим.

Хаггопиана⁶

Этот рассказ написан в середине 1970-х, к тому времени мое мастерство, видимо, несколько возросло. Тогда я еще служил в армии, сержантом-вербовщиком в Лестере, и, когда дел особых не было, писал, сидя за своим столом. Я посылал экземпляр «Хаггопианы» Дерлету в «Аркхэм Хаус», но он был болен и в 1971 году умер трагически молодым, оставив зияющую дыру в издании литературы о сверхъестественном, которую, похоже, никто так и не сумел залатать. Рассказ принял к публикации Джерри Пейдж для своего журнала «Ковен-13» (позднее «Колдовство и волшебство») – который почти сразу же прекратил выходить! Наконец, через агента Кирби Маккоули, он попал в престижный «Журнал фэнтези и научной фантастики», где появился в июньском номере за 1973 год. «Хаггопиана» была и до сих пор остается одним из любимых моих рассказов.

I

Ричард Хаггопьян, вероятно, крупнейший в мире авторитет в области ихтиологии и океанографии, не говоря уже о

---

⁶ “Haggopian”, from F&SF No. 265, 1973. Плешков К. П., перевод на русский язык, © 2018.

многих смежных науках, наконец, соизволил дать согласие на интервью. Я был вне себя от радости, не в силах поверить своему счастью. По крайней мере, десяток журналистов до меня, – некоторые из которых занимали столь высокое положение в литературных кругах, что воспринимали столь приземленное название своей профессии как личную обиду, – совершили бесплодное путешествие в Клетнос на берегу Эгейского моря в поисках Хаггопяна-армянина, но лишь моя заявка оказалась принята. За три месяца до этого отказ получил Хартог из «Тайма», а до него Маннхаузен из «Вельтцукунфт», и потому мое начальство не возлагало на меня особых надежд. Однако имя Джереми Белтона достаточно известно в журналистских кругах, и мне прежде не раз улыбалась удача в так называемых «безнадежных» случаях. Казалось, удача сопутствовала мне и на этот раз. Ричард Хаггопян отсутствовал, отправившись в очередное океанское путешествие, но меня попросили его подождать.

Нетрудно понять, почему Хаггопян вызывал подобный интерес среди многих выдающихся журналистов мира – любой человек с его научными и литературными талантами, с прекрасной молодой женой, с собственным солнечным островом и (что, возможно, самое главное) с крайне отрицательным отношением к даже самой выгодной известности наверняка привлек бы точно такое же внимание. И в довершение ко всему, Хаггопян был миллионером!

Что касается меня, то я недавно завершил работу в пусты-

не во время последнего арабо-израильского конфликта, и у меня появилось немного свободного времени и денег. Так что мое начальство предложило мне попытать счастья с Хаггопяном. Это было две недели назад, и с тех пор я прилагал все усилия к тому, чтобы добиться интервью. Хотя попытки других закончились неудачей, мне повезло.

В течение восьми дней я ждал, когда армянин вернется на Хаггопиану – свой крошечный остров в двух милях к востоку от Клетноса, на полпути между Афинами и Ираклионом, который он купил и назвал собственным именем в начале сороковых. И когда мне уже казалось, что мои ограниченные средства подходят к концу, невероятно голубое море на юго-западе прорезала серебристая искорка «Эхиноидеи», принадлежавшего Хаггопяну большого судна на подводных крыльях. С плоской белой крыши отеля в Клетносе я наблюдал в бинокль, как судно обходит остров по кругу, а затем, ослепительно блеснув на солнце, скрывается за белыми камнями Хаггопианы. Два часа спустя прибыл помощник армянина в изящной моторной лодке, чтобы сообщить мне, как я надеялся, новости о назначенной встрече. И удача в самом деле меня не оставляла! Я должен был встретиться с Хаггопяном в три часа дня – мне сказали, что за мной пришлют лодку.

В три я был готов, одетый в сандалии, легкие серые брюки и белую футболку – рекомендованную цивилизованную одежду для солнечного дня на Эгейском море. И когда изящ-

ная моторная лодка вернулась за мной, я уже ждал ее на естественной каменной пристани. По пути к Хаггопиане, глядя через борт лодки сквозь кристально чистую воду на скользких под ней морских окуней и скопления черных морских ежей (по имени которых армянин назвал свое судно на подводных крыльях), я вспоминал то, что мне было известно о неприступном владельце острова.

Ричард Хемерал Ангелос Хаггопян родился в 1919 году от незаконного союза его бедной, но прекрасной матери, полукровки-полинезийки, и отца-миллионера, киприота армянского происхождения. Его перу принадлежали три самых захватывающих книги из всех, что я когда-либо читал, книги для непрофессионалов, рассказывавшие о морях мира и их многообразных обитателях простым, доходчивым языком. Он открыл впадину Туамоту глубиной почти в семь тысяч морских саженей на дне Южного Тихого океана, о существовании которой никто прежде не подозревал, и спустился в нее в 1955 году вместе со знаменитым Гансом Гейслером на глубину в двадцать четыре тысячи футов. За последние пятнадцать лет он передал величайшим аквариумам и музеям мира, по крайней мере, двести сорок образцов редких, часто только что открытых видов. И так далее, и так далее...

Хаггопян женился первый раз после тридцати, и всего был женат трижды, но, похоже, с женщинами ему не везло. Его первая жена, британка, погибла в море после девяти лет совместной жизни, таинственным образом исчезнув с яхты му-

жа посреди спокойного моря возле кишашего акулами Барьерного рифа в 1958 году; вторая, гречанка с Кипра, умерла в 1964 году от некоей экзотической болезни, и ее похоронили в море; а третья – некая Клеантис Леонидес, модель из Афин, вышедшая замуж в свой восемнадцатый день рождения, – судя по всему, вела затворнический образ жизни, поскольку никто не видел ее на публике после ее замужества с Хаггопяном два года назад.

Да, Клеантис Хаггопян! Рассчитывая встретиться с ней, если мне повезет встретиться с ее мужем, я просмотрел десятки старых журналов мод с ее фотографиями. Это было несколько дней назад в Афинах, и теперь я вспоминал ее лицо на тех фотоснимках – юное и прекрасное, в классической греческой традиции. Она была красавицей, и наверняка таковой и оставалась; и, несмотря на слухи о том, что она больше не живет с мужем, я обнаружил, что с нетерпением жду нашей встречи.

Вскоре впереди появились выступающие над морем футов на тридцать белые каменистые бастионы острова, и мой штурман направил лодку влево, проведя ее между двумя изъеденными солью скалами, возвышавшимися ярдах в двадцати от северной оконечности Хаггопианы. Когда мы обогнули мыс, я увидел, что восточный берег острова выглядит куда более гостеприимно – с белым песчаным пляжем, причалом, возле которого стояла «Эхиноидея», а чуть дальше, в роще граната, миндаля, акаций и олив, виднелось обширное

бунгало с плоской крышей.

Значит, это и была Хаггопиана! Вряд ли, подумал я, она походила на «островной рай», описанный в статье Вебера в «Нее Вельт». Похоже было, что Вебер писал свою статью семь лет назад, глядя на Хаггопиану из Клетноса – у меня всегда вызывали сомнения экзотические преувеличения немца.

На другом конце причала ждал хозяин. Я увидел его, как только лодка, слегка вздрогнув, пристала к берегу. На нем были серые фланелевые брюки и белая рубашка с закатанными рукавами, изящный нос украшали тяжелые очки с темными стеклами. Хаггопян – высокий, лысый, невероятно умный и очень, очень богатый – уже приветственно протягивал мне руку.

* * *

Вид Хаггопяна потряс меня. Конечно, я видел немало его фотографий, и меня часто удивлял странный блеск, который эти фотографии, казалось, придавали его чертам. Собственно, единственные нормальные его фотографии, которые я видел, относились к периоду до 1958 года, и я считал более поздние снимки попросту результатом неудачной съемки. Его редкие появления на публике всегда бывали весьма краткими, и о них никогда не сообщалось заранее. Так что к тому времени, когда начинали щелкать камеры, он уже обыч-

но направлялся к выходу. Теперь же, однако, я понял, что возводил напраслину на фотографов. Кожа его действительно блестела, подчеркивая его черты и даже отчасти отражая солнечный свет. Вероятно, что-то не так было у него и с глазами – по его щекам из-под темных очков тонкими струйками стекали слезы. В левой руке он держал шелковый платок, которым то и дело промокал предательскую влагу. Все это я заметил, идя ему навстречу по причалу, и с самого начала вид его показался мне странным – и даже отталкивающим.

– Добрый день, мистер Белтон, – его хриплый голос явно диссонировал с его вежливой манерой поведения. – Прошу прощения, что заставил вас столько ждать. Я получил ваше сообщение в Фамагусте, в самом начале моей поездки, но, боюсь, у меня не было возможности отложить работу.

– Ничего страшного, сэр. Уверен, наша встреча более чем сполна вознаградит мое терпение.

Его рукопожатие потрясло меня не в меньшей степени, хотя я изо всех сил старался не подавать виду, а после того как он повернулся, направляясь к дому, я незаметно вытер руку о край футболки. Дело было не в том, что ладонь Хаггопяна была мокрой от пота, чего вполне можно было ожидать – мне скорее показалось, будто я схватил горсть садовых улиток!

Еще с лодки я заметил комплекс труб и клапанов, ведущих от моря к дому, а теперь, приближаясь следом за шагавшим неуклюжей, покачивающейся походкой Хаггопяном к большому желтому зданию, я слышал приглушенный шум рабо-

тающих насосов и льющейся воды. Когда мы оказались внутри огромного, полного освежающей прохлады бунгало, стало ясно, что означали эти звуки. Неудивительно, что этот человек, столь любивший море, окружил себя делом всей своей жизни. Дом представлял собой самый настоящий гигантский аквариум!

Вдоль стен тянулись массивные стеклянные резервуары, иногда длиной с целую комнату и высотой до потолка. Солнечный свет, падавший через внешние, похожие на иллюминаторы окна, отбрасывал зеленоватые тени на мраморный пол, отчего казалось, будто находишься на огромной подводной лодке.

Нигде не было ни надписей, ни табличек, описывающих обитателей огромных резервуаров, и пока Хаггопьян вел меня из комнаты в комнату, мне стало ясно, почему в них нет никакой необходимости. Хаггопьян лично знал каждый экземпляр, комментируя на ходу, пока мы по очереди переходили из одного крыла бунгало в другое:

– Вот это – необычное кишечнополостное, с глубины в три тысячи футов. Его трудно поддерживать при жизни – давление и все такое. Я называю его *Physalia haggopia*, и оно смертельно опасно. Если одно из этих щупальцев хотя бы коснется вас... фьюить! Португальский кораблик – дитя по сравнению с ним, – сказал он, показывая на огромную пурпурную массу с длинными тонкими зеленоватыми щупальцами, покачивавшуюся в воде посреди огромного резервуара. Лов-

ко выловив из открытого аквариума на близлежащем столе маленькую рыбку, Хаггопян бросил ее своему «необычному кишечнорастворимому». С плеском упав в воду, рыбка поплыла вглубь, прямо к одному из зеленых щупальцев – и тотчас же замерла! В течение нескольких секунд чудовищная медуза завладела добычей и не спеша начала ее поглощать.

– Со временем, – заметил Хаггопян, – она сделает то же самое и с вами!

* * *

В самом большом помещении, скорее зале, чем комнате, я остановился, потрясенный размерами резервуаров и мастерством, вложенным в их создание. Здесь, в миниатюрных океанах, за толстым стеклом плавали среди кораллов акулы, и в аквариумах были установлены специальные задники, создававшие иллюзию больших расстояний и огромных подводных просторов.

В одном из аквариумов медленно курсировали туда-сюда акулы-молоты длиной два метра с лишним, жутко уродливые и на вид вдвойне опасные. К краю аквариума вела металлическая лестница, уходившая на другую сторону и в саму воду. Хаггопян, видимо, заметил мой озадаченный вид, поскольку сказал:

– Здесь я обычно кормил своих миног – с ними следовало быть осторожнее. Теперь их больше нет – я выпустил по-

следних в море три года назад.

Три года назад? Я присмотрелся внимательнее, когда брюхо одной из акул-молотов скользнуло вдоль стекла. На серебристо-белом животе рыбы, между жаберных щелей и вдоль брюха, виднелись многочисленные красные пятна, многие из которых образовывали четкие круги там, где отсутствовала чешуя и поработали похожие на присоски рты миног. Наверняка Хаггопян оговорился, сказав про три года, – скорее три дня! Многие из ран выглядели явно недавними, и, прежде чем армянин повел меня дальше, я успел заметить, что, по крайней мере, еще две акулы-молота носят подобные отметины.

Я перестал размышлять над оговоркой хозяина дома, когда мы вошли в еще одну комнату, при виде обитателей которой любой специалист по моллюскам издал бы радостный возглас. Вдоль стен ее так же стояли аквариумы, меньше тех, что я видел до этого, но в точности имитировавшие естественную среду обитания находившихся в них существ – живых жемчужин почти всех океанов земли. Огромные раковины из Южного Тихого океана, маленькие прекрасные *Haliotis excavata* и *Murex monodon* с Большого Барьерного рифа, похожие на амфоры *Delphinula formosa* из Китая, странные одностворчатые и двустворчатые моллюски всех форм и размеров – их были сотни. Даже окна были сделаны из раковин – больших, прозрачных, розово просвечивающих, тонких, как фарфор, но невероятно прочных, с больших глубин, – за-

полнявших комнату кровавым оттенком, столь же странным, как и зеленовато-подводный свет в предыдущих комнатах. Проходы тоже были заставлены подносами и ящиками, полными пустых раковин, без каких-либо табличек и надписей; и снова Хаггопян продемонстрировал свои знания, на ходу называя каждый образец, возле которого я останавливался, и коротко описывая их обычаи и чужие глубины, откуда они были родом.

Моя экскурсия закончилась здесь, в комнате с раковинами, когда вошел Костас, грек, доставивший меня сюда из Клетноса, и пробормотал что-то своему работодателю. Хаггопян согласно кивнул, и Костас вышел, после чего вскоре вернулся вместе с несколькими другими греками, каждый из которых обменялся несколькими словами с Хаггопяном, прежде чем уйти. Наконец мы снова остались одни.

– Это мои люди, – сказал он мне. – Некоторые из них работают на меня уже почти двадцать лет, но теперь они мне больше не нужны. Я заплатил им последнее жалованье, они попрощались со мной и теперь уходят. Костас отвезет их в Клетнос, а потом вернется за вами. К тому времени, думаю, я уже закончу свой рассказ.

– Не вполне понимаю вас, мистер Хаггопян. Вы хотите сказать, что собираетесь остаться в одиночестве? То, что вы только что сказали, прозвучало словно прощание.

– В одиночестве? Здесь? Нет, мистер Белтон, – но насчет прощания вы правы! Я узнал о море все, что только мог, и

остался лишь один этап моего просвещения. И для него мне не требуется... учиться! Вы поймете.

Увидев озадаченное выражение на моем лице, он усмехнулся.

– Вам трудно меня понять, и вряд ли этому стоит удивляться. Уверен, мало кто – если вообще кто-либо – знал прежде об обстоятельствах моей жизни. Вот почему я решил обо всем рассказать вам. Вам повезло, что вы застали меня в подходящий момент. Я никогда бы не стал рассказывать свою историю, если бы меня не преследовали кошмары, о которых вы никогда не слышали. Но, возможно, мой рассказ послужит предупреждением. Наверняка найдутся ученые, посвятившие себя знаниям о море, которые воспроизведут мои работы и открытия. Но в любом случае то, что вы наверняка считали обычным интервью, станет моей лебединой песней. Завтра, когда остров покинут люди, Костас вернется и выпустит на свободу все живые экземпляры. Здесь есть средства, с помощью которых можно вернуть в море даже самых крупных рыб. И тогда Хаггопиана опустеет окончательно.

– Но почему? Зачем... и куда собираетесь отправиться вы? – спросил я. – Ведь этот остров – ваша база, ваш дом и крепость? Именно здесь вы написали свои прекрасные книги, и...

– Да, моя база и крепость, как вы выразились! – резко оборвал он меня. – Остров действительно был всем этим для

меня, но – домом? Нет! Вот мой дом! – он выбросил дрожащую руку в сторону Критского моря и лежавшего за ним Средиземного. – Когда ваше интервью закончится, я поднимусь на скалы и взгляну еще раз на Клетнос, ближайшую сушу разумных размеров. Потом я возьму «Эхиноидею» и направлю ее от берега через пролив Касос, пока не закончится топливо. Пути назад быть не может. Есть место в Средиземном море, о котором никто не знает, где море очень глубокое и холодное и где...

Он замолчал и повернул ко мне свое странно блестящее лицо.

– Но так я никогда не сумею ничего рассказать. Достаточно сказать, что в свое последнее путешествие «Эхиноидея» отправится ко дну – и я вместе с ней!

– Самоубийство? – выдохнул я, едва поспевая за откровениями Хаггопяна. – Вы собираетесь... утопиться?

В ответ он рассмеялся резким смехом, отчего-то напомнившим мне лай тюленя.

– Утопиться? Разве можно утопить их? – Он развел руками, показывая на миниатюрный океан странных раковин. – Или их? – Он махнул в сторону двери, ведущей к аквариуму с экзотическими рыбами.

Несколько мгновений я ошеломленно смотрел на него, не в силах понять, здравомыслящий ли человек передо мной или?..

Он пристально посмотрел на меня сквозь темные линзы

очков, и под взглядом его невидимых глаз я медленно показывал головой, отступив на шаг.

— Прощу прощения, мистер Хаггопян... я просто...

— Непростительно, — проскрежетал он, пока я пытался подобрать слова. — Мое поведение непростительно! Идемте, мистер Белтон, возможно, нам будет удобнее поговорить там.

Хаггопян повел меня во внутренний дворик, окруженный лимонными и гранатовыми деревьями. В тени стояли белый садовый стол и два плетеных кресла. Он резко хлопнул в ладоши, затем предложил мне кресло и тяжело сел напротив. Я снова заметил, насколько неуклюжими кажутся мне его движения.

На зов армянина явилась старая женщина, закутанная на индийский манер в белый шелк. Нижняя часть ее лица была закрыта платком, падавшим ей на плечи. Он произнес несколько горловых, но явно нежных слов по-гречески. Она ушла, слегка прихрамывая, и вскоре вернулась с подносом, двумя стаканами и, к моему удивлению, запотевшей от холода бутылкой английского пива.

Я заметил, что стакан Хаггопяна уже наполнен, но не мог узнать напиток. В зеленоватой жидкости плавал густой осадок, но армянин, похоже, этого не замечал. Чокнувшись со мной стаканами, он поднес свой к губам и сделал большой глоток. Я последовал его примеру, поскольку у меня пересохло в горле, а когда поставил стакан обратно на стол, уви-

дел, что Хаггопян все еще пьет! Осушив до дна стакан неизвестной мутной жидкости, он поставил стакан и снова хлопнул в ладоши.

Только сейчас меня удивило, почему он не снимает очки. В конце концов, мы сидели в тени, а во время экскурсии по его удивительному аквариуму света было еще меньше. Взглянув на лицо армянина, я вспомнил о его проблемах с глазами, снова увидев тонкие струйки жидкости, стекавшей из-под загадочных линз. В то же мгновение вернулась и странная блестящая пленка на его лице. Какое-то время я ее не замечал, решив, что просто привык к его виду. Теперь же я понял, что ошибался – внешность его оставалась столь же странной, как и с самого начала. Помимо воли я вновь подумал о его отталкивающем рукопожатии...

– Подобные перерывы могут быть частыми, – ворвался в мои мысли его скрипучий голос. – Боюсь, в моей нынешней стадии мне требуется весьма обильное потребление жидкости!

Я уже собирался спросить его, какую «стадию» он имеет в виду, когда женщина снова вернулась с очередным стаканом мутной жидкости для своего господина. Прежде чем она ушла, он сказал ей еще несколько слов. Когда она склонилась над столом, я заметил, насколько иссушенным выглядит ее лицо с узкими ноздрями, морщинистой кожей и глубоко запавшими под выдающимися надбровными дугами глазами. Это явно была крестьянка с острова. И, тем не менее, в дру-

гих обстоятельствах черты ее лица могли показаться аристократическими. Казалось также, будто она испытывает странное влечение к Хаггопяну, наклоняясь к нему и явно подавляя желание коснуться его каждый раз, когда оказывалась рядом.

– Она уедет отсюда вместе с вами. Костас о ней позаботится.

– Я что, слишком пристально на нее смотрел? – смущенно начал я, вновь ощутив странное чувство нереальности. – Прошу прощения, я не хотел показаться грубым!

– Неважно. То, что я собираюсь вам рассказать, может показаться полнейшим бредом. Вы показались мне человеком, которого не так-то легко... напугать, мистер Белтон?

– Меня можно удивить, мистер Хаггопян, или шокировать – но напугать? Что ж, в числе прочего я какое-то время был военным корреспондентом, и...

– Конечно, я понимаю, но бывает и кое-что похуже, чем сотворенные людьми ужасы войны!

– Возможно, но я журналист. Это моя работа. И я готов... испугаться.

– Что ж, хорошо! И, прошу вас, отбросьте все сомнения, которые, возможно, возникли у вас насчет моего душевного здоровья или могут возникнуть во время моего рассказа. В его конце вы получите достаточно доказательств.

Я начал было протестовать, но он быстро оборвал меня.

– Нет, нет, мистер Белтон! Чтобы не почувствовать здесь

ничего странного, нужно быть полностью бесчувственным человеком.

Он замолчал, и в третий раз появилась старуха, поставив на стол перед ним кувшин. На этот раз она почти ластилась к нему, и он резко отодвинулся, едва не опрокинув кресло. Он бросил несколько резких слов по-гречески, и я услышал всхлипывания старухи, которая повернулась и, хромая, ушла прочь.

– Что с этой женщиной, ради всего святого?

– Все в свое время, мистер Белтон. – Он поднял руку. – Все в свое время.

Вновь осушив стакан, он наполнил его из кувшина и начал свое повествование, большую часть которого я молчал, словно загипнотизированный, а под конец ощутил неподдельный ужас.

II

– Первые десять лет своей жизни я провел на островах Кука, а последующие пять – на Кипре, – начал Хаггопян, – и все мое детство меня сопровождал шум моря. Мой отец умер, когда мне было шестнадцать, и, хотя он никогда не признавал меня при жизни, он завещал мне сумму, эквивалентную двадцати одному миллиону фунтов стерлингов! Когда мне исполнился двадцать один год, я получил право распоряжаться этими деньгами и обнаружил, что могу те-

перь полностью посвятить себя океану – единственной настоящей любви в моей жизни. Я имею в виду все океаны. Я люблю теплое Средиземное море и Южный Тихий океан, но не меньше, чем холодный Северный Ледовитый океан и изобильное Северное море. Даже сейчас я люблю их. Даже сейчас!

В конце войны я купил Хаггопиану и начал создавать здесь свою коллекцию. Я писал о своей работе, и к двадцати девяти годам закончил «Море-колыбель», которая стала первым плодом моей любви. За публикацию первого издания я заплатил сам, и, хотя деньги не имели для меня особого значения, последующие переиздания с лихвой окупили все мои расходы. Столь же успешной оказалась и вторая моя книга, «Море – новые рубежи». Это подтолкнуло меня начать работу над «Обитателями глубин». К тому времени, когда у меня был готов первый вариант рукописи, я уже был пять лет женат на моей первой жене и мог издать книгу прямо здесь и сейчас, если бы не тот факт, что я стал чересчур взыскателен как к своим книгам, так и к своим исследованиям. Короче говоря, в рукописи имелись фрагменты, целые главы о некоторых видах, которые меня не удовлетворяли.

Одна из этих глав была посвящена сиренам. Дюгони и ламантины, особенно последние, уже долгое время восхищали меня своей несомненной связью с русалками и сиренами из старых легенд, по которым их биологический род и получил свое название. Однако не только одно лишь это стало для ме-

ня поводом отправиться в «Экспедицию за ламантинами», как я назвал это путешествие. Хотя в то время я даже не догадывался о том, насколько важным для меня оно окажется. Так получилось, что мои исследования впервые по-настоящему указали мне на мое будущее, дав пугающий намек на мою судьбу, хотя, конечно, я тогда этого не понимал.

Он немного помолчал.

– Судьбу? – наконец осмелился я нарушить тишину. – Литературную или научную?

– Мою окончательную судьбу!

– О!

Я сидел и ждал, не зная, что сказать – странная ситуация для журналиста! Несколько секунд спустя Хаггопьян заговорил снова, и я чувствовал, что он пристально смотрит на меня через непрозрачные линзы своих очков.

– Возможно, вы знакомы с теорией континентального смещения – первоначально разработанной Вегенером и Линцем, а затем дополненной Вайном, Мэтьюзом и другими, – суть которой состоит в том, что континенты постепенно «расплаиваются» в стороны и что когда-то они были намного ближе друг к другу? Уверяю вас, подобные теории вполне логичны; древняя Пангея действительно существовала, и те, кто ступал по ней, не имели ничего общего с людьми. Да, на этом первом огромном континенте имелась жизнь, еще до того, как обезьяна спустилась с деревьев, чтобы стать человеком!

Но, так или иначе, я отправился в свою «Экспедицию за

ламантинами» отчасти для того, чтобы продолжить работу Вегенера и других, сравнив ламантинов Либерии, Сенегала и Гвинейского залива с ламантинами Карибского моря и Мексиканского залива. Видите ли, мистер Белтон, из всех побережий Земли эти два – единственные, где ламантины встречаются в своем естественном состоянии. Наверняка вы согласитесь, что это прекрасное зоологическое доказательство смещения континентов?

В итоге, движимый научными интересами, я оказался в Джексонвиле на Восточном побережье Северной Америки – самой северной точке, где можно обнаружить ламантинов в любом количестве. В Джексонвиле я случайно услышал о неких странных, найденных в море камнях, камнях со следами невероятно древних иероглифов, вероятно, выброшенных на берег обратным течением Гольфстрима. Не забывайте, что моей любимой темой давно были Му, Атлантида и прочие мифические затонувшие земли и города. Мой интерес к этим камням и их возможному происхождению был столь велик, что я быстро завершил свою «Экспедицию за ламантинами» и отправился в Бостон, штат Массачусетс, где, как я слышал, один собиратель подобных диковинок содержал частный музей. Как оказалось, океан тоже был его любовью, и в его коллекции имелось множество добытых в море экземпляров, в особенности из Северной Атлантики, лежавшей почти у самого его порога. Меня поразила его эрудиция в отношении всего, что было связано с Восточным по-

бережем. И он рассказал мне множество фантастических историй о берегах Новой Англии – том самом побережье Новой Англии, откуда, как он меня заверял, происходили те самые древние камни, несшие на себе доказательство существования древнего разума – разума, следы которого я видел в столь отдаленных местах, как Берег Слоновой Кости и острова Полинезии!

В поведении Хаггопяна чувствовалось некое странное, все нараставшее возбуждение; он сидел, заламывая руки и беспокойно ерзая в кресле.

– О да, мистер Белтон, это было самое настоящее открытие! Ибо, как только я увидел американские обломки базальта, я тут же их узнал. Да, они были невелики, но надписи на них были точно такими же, какие я видел на огромных черных колоннах в прибрежных джунглях Либерии – колоннах, давным-давно выброшенных морем на берег, вокруг которых лунными ночами плясали и пели туземцы, совершая древние обряды! И я помнил эти песнопения, Белтон, еще со времен моего детства на островах Кука: *Иа Р'Льех! Ктулху фхтагн!*

Едва с его губ сорвались эти чуждые, бессвязные слова, армянин неожиданно вскочил на ноги, резко наклонившись вперед, так что побелели его опиравшиеся о стол костяшки пальцев. Затем, увидев выражение моего лица, когда я поспешно попытался от него отстраниться, он медленно расслабился и, в конце концов, обессиленно упал обратно в

кресло, безвольно опустив руки и отвернувшись.

Хаггопян сидел так минуты три, после чего повернулся ко мне и небрежно пожал плечами.

– Прошу меня извинить, сэр. В последнее время я слишком легко перевозбуждаюсь.

Взяв со стола стакан, он сделал несколько глотков, затем снова вытер стекающие из глаз ручейки влаги и продолжил:

– Но я отвлекаюсь. Главное, что я хотел сказать – когда-то, очень давно, Америка и Африка были сиамскими близнецами, соединенными посередине полосой равнинной суши, которая погрузилась в море, когда началось смещение континентов. На этой равнине были города, понимаете? И доказательства их существования до сих пор можно найти в тех местах, где когда-то соединялись два материка. Что же касается Полинезии, достаточно сказать, что существа, построившие древние города, – существа, сошедшие со звезд в незапамятные времена, – когда-то владели всем миром. Но они оставили и другие следы, в виде странных богов и верований и, что еще более удивительно, своих творений!

Однако, кроме этих весьма занимательных геологических открытий, у меня имелись в Новой Англии и другие интересы, связанные с моей родословной. Как вам наверняка известно, моя мать была полинезийкой, но в ее жилах текла кровь и уроженцев Новой Англии. Мою прапрабабку привез с островов в Новую Англию матрос с одного из ходивших в Восточную Индию парусников в конце 1820-х годов, а два

поколения спустя моя бабушка вернулась в Полинезию, когда ее муж-американец погиб при пожаре. До этого наш род жил в Иннсмуте, морском порту, пользовавшемся дурной славой в Новой Англии, где полинезийские женщины были далеко не редкостью. Когда моя бабушка вернулась на острова, она была беременна, и американская кровь в немалой степени проявилась в моей матери, судя по ее внешности; но даже сейчас я помню, что у нее было что-то не так с лицом – что-то с глазами.

Я рассказываю обо всем этом потому, что... меня не оставляет мысль о том, не связано ли как-то мое происхождение с моей нынешней... стадией.

Снова прозвучало это слово, на этот раз преднамеренно подчеркнутое, и снова мне захотелось спросить, что имел в виду Хаггопян – но было уже слишком поздно, поскольку он продолжил свой рассказ:

– Еще в детстве, в Полинезии, я слышал множество странных историй, и не менее странные истории рассказывал мне мой друг-коллекционер из Бостона – о существах, которые выходят из моря, чтобы спариваться с людьми, и об их кошмарном потомстве!

В голосе Хаггопяна вновь послышалось лихорадочное возбуждение; все его тело снова задрожало, словно охваченное едва сдерживаемыми эмоциями.

– Знаете ли вы, – неожиданно выпалил он, – что в тысяча девятьсот двадцать восьмом году агенты ФБР провели в

Иннсмуте чистку? Чистку от кого, спрашиваю я вас? И зачем были сброшены глубоководные бомбы с Дьявольского рифа? Именно после этих взрывов и штормов тридцатого года на берега Новой Англии выбросило множество странных золотых предметов; и в то же самое время жители побережья начали находить те самые черные разбитые камни с жуткими иероглифами!

Иа-Р'льех! Какие чудовищные существа таятся даже сейчас в океанских глубинах, Белтон, и какие другие создания возвращаются в колыбель земной жизни?

Внезапно он встал и начал расхаживать по дворику своей покачивающейся неуклюжей походкой, издавая горловое бормотание и то и дело бросая взгляды в мою сторону. Я продолжал сидеть за столом, крайне обеспокоенный состоянием его рассудка.

Думаю, будь у меня возможность, в этот момент я с радостью отдал бы все, лишь бы оказаться подальше от Хаггопианы. Однако возможности такой у меня не было, и я лишь тревожно ждал, пока армянин в достаточной степени успокоится, чтобы снова сесть. Из-под его темных очков снова стекла струйка влаги, и он сделал еще глоток неизвестной жидкости из своего стакана, прежде чем продолжить:

– Еще раз прошу принять мои извинения, мистер Белтон, за то, что столь отклоняюсь от сути дела. Я уже говорил про свою книгу, «Обитатели глубин», и о том, что меня не удовлетворял ряд ее глав. Когда мой интерес к побережьям Но-

вой Англии и их тайнам наконец иссяк, я вернулся к этой книге, в частности, к главе об океанских паразитах. Мне хотелось сравнить эту специфическую разновидность морских существ с их сухопутными аналогами и привести, как я делал в других главах, примеры связанных с ними океанских мифов и легенд.

Конечно, меня ограничивал тот факт, что море не может похвастаться столь большой численностью видов паразитов, как суша. Ведь практически любое сухопутное животное, включая птиц и насекомых, имеет собственного маленького компаньона, живущего в его шерсти или перьях или питающегося за его счет тем или иным паразитическим способом.

И тем не менее, я рассматривал миксин и миног, а также некоторые виды рыбьих пиявок и китовых вшей, сравнивая их с пресноводными пиявками, ленточными червями, грибами и так далее. Может возникнуть искушение считать разницу между водными и сухопутными жителями чересчур большой, и различие, конечно, действительно есть – но если вспомнить о том, что вся известная нам жизнь изначально вышла из моря...

Сейчас, мистер Белтон, когда я думаю о вампирах из легенд, оккультных верований и литературы о сверхъестественном – о том, как монстр вызывает чудовищные изменения и разрушения у своей жертвы, пока жертва не умирает, а затем воскресает в виде такого же вампира, мне кажется безумием все то, через что мне довелось пройти. Но откуда

я мог знать, как я мог предвидеть?..

Но... вы все узнаете в свое время. И вы должны быть к этому готовы, несмотря на ваши заверения, что вас не так-то легко напугать.

В 1956 году я занимался глубоководными исследованиями у Соломоновых островов на яхте с экипажем из семи человек. Мы пристали на ночь к прекрасному маленькому необитаемому острову неподалеку от Сан-Кристобая, а на следующее утро, пока матросы сворачивали лагерь и готовили яхту к выходу в море, я бродил по берегу в поисках раковин. Я увидел застрявшую в образовавшейся после отлива луже большую акулу; жабры ее едва покрывала вода, а шершавая спина и спинной плавник выступали над поверхностью. Естественно, мне стало жаль это создание, а еще больше после того, как я заметил, что к ее брюху прицепился один из тех кровососов, которые столь меня интересовали. Миксина выглядела просто красавицей – длиной в четыре фута, и явно принадлежала к виду, которого я никогда прежде не встречал. К тому времени книга «Обитатели глубин» была почти закончена, и, если бы не та глава, о которой я уже упоминал, она давно бы уже вышла из печати.

У меня не было времени, чтобы отбуксировать акулу на более глубокое место, и все же мне было жаль большую рыбину. Я велел одному из матросов прекратить ее страдания выстрелом из ружья. Одному богу известно, как долго паразит питался ее соками, постепенно ослабляя акулу, пока та

не превратилась в игрушку приливов.

Что касается миксины, то ей предстояло отправиться с нами! На моей яхте хватало резервуаров для рыбы и покрупнее, а мне, естественно, хотелось изучить ее и включить упоминание о ней в свою книгу.

Матросам удалось без особых хлопот выловить странную рыбу сеткой и поднять ее на борт, но, похоже, извлечь ее из сетки и поместить в аквариум было не так-то просто. Вам следует понять, мистер Белтон, что эти аквариумы были утоплены в палубу вровень с верхним краем. Я подошел, чтобы помочь, прежде чем рыба погибнет, и, когда уже казалось, что мы распутали сетку, рыба начала отчаянно биться! Одним гибким движением тела она вырвалась из сетки и увлекла меня за собой в аквариум!

Конечно, матросы сначала рассмеялись, и я бы смеялся вместе с ними, если бы эта жуткая рыба в одно мгновение не прицепилась к моему телу, вонзив окаймленную зубами присоску мне в грудь и уставившись своим жутким взглядом прямо мне в глаза!

III

После короткой паузы, за время которой блестящее лицо армянина несколько раз исказила жуткая гримаса, он продолжил:

– После того как меня вытащили из аквариума, я три неде-

ли провалился в лихорадке. Шок? Яд? Тогда я этого не знал. Теперь знаю, но уже слишком поздно, возможно, слишком поздно было уже тогда.

Моя жена была на яхте вместе с нами, в должности кока, и во время моей болезни, пока я метался в бреду на койке в своей каюте, она ухаживала за мной. Тем временем матросы поддерживали жизнь миксины, принадлежавшей к неизвестному ранее виду, снабжая ее мелкими акулами и другой рыбой. Как вы понимаете, они никогда не позволяли ей полностью высосать свою жертву, но им хватало ума сохранять ее живой и здоровой для меня, сколь бы отвратительным ни выглядел способ ее питания.

Я помню, что пока я выздоравливал, меня осаждали повторяющиеся видения каменных подводных городов, циклопических сооружений из базальта, населенных странными существами – отчасти людьми, отчасти рыбами и отчасти амфибиями, глубоководными созданиями Дагона и последователями культа спящего Ктулху. В этих видениях меня звали к себе странные голоса, нашептывая мне разные слова о моих предках – слова, от которых я кричал в бреду во весь голос!

Придя в себя, я не раз спускался под палубу, разглядывая миксину сквозь стеклянные стенки аквариума. Вы видели когда-либо вблизи миксину или миногу, мистер Белтон? Нет? Тогда считайте, что вам повезло. Это уродливые создания, внешность которых вполне соответствует их природе,

похожие на угрей и крайне примитивные. А их пасти, Белтон – ужасные, зубастые, сосущие пасти!

Два месяца спустя, под конец путешествия, начался настоящий кошмар. К тому времени мои раны на груди в том месте, где в меня вцепилась эта тварь, полностью зажили; но воспоминание о той первой встрече до сих пор было свежо в моей памяти, и...

Я вижу, что вы хотите о чем-то спросить, мистер Белтон, но вы действительно правильно меня расслышали – я на самом деле сказал о первой встрече! О да! Впереди были другие встречи, и их было множество!

Хаггопян в очередной раз прервал свой удивительный рассказ, чтобы промокнуть стекающие из-под темных очков струйки и снова отхлебнуть мутной жидкости из стакана. Мне представился шанс оглядеться; возможно, я все еще искал путь к бегству на случай, если возникнет такая необходимость.

Армянин сидел спиной к большому бунгалу, и, бросив нервный взгляд в ту сторону, я увидел чье-то лицо, мелькнувшее за одним из небольших, похожих на иллюминаторы окон. Позже, когда хозяин дома продолжил свое повествование, я смог разглядеть, что лицо в окне принадлежит старой служанке, и ее полный странного восхищения взгляд был устремлен прямо на него. Заметив, что я смотрю на нее, она скрылась.

– Нет, – наконец продолжил Хаггопян, – с этой рыбой для

меня далеко не все было покончено, далеко нет! С каждой неделей мой интерес к этому созданию перерастал в навязчивую страсть; каждую свободную минуту я проводил возле аквариума, разглядывая странные отметины и шрамы, которые она оставляла на телах своих невольных жертв. А потом я обнаружил, что жертвы эти вовсе не невольные! Удивительно, и тем не менее...

Да, я обнаружил, что, став однажды жертвой миксины, рыбы, которыми она питалась, стремились восстановить подобную связь, даже под угрозой смерти! Впервые узнав об этом странном обстоятельстве, я, естественно, провел ряд экспериментов и впоследствии точно установил, что после первого насильственного контакта жертвы миксины сами отдавались ей с неким извращенным удовольствием!

Судя по всему, мистер Белтон, я нашел в море точную параллель с вампирами из сухопутной легенды. Но я не понимал, что означает для меня это открытие, пока... пока...

Перед тем, как вернуться назад на Хаггопиану, мы причалили в Лимасоле на Кипре. Я позволил команде – за исключением одного человека, Костаса, который не захотел покидать яхту, – провести ночь на берегу. Все они тяжело трудились достаточно долгое время. Моя жена тоже отправилась навестить друзей в Лимасоле. Я предпочел остаться на борту; общество друзей моей жены меня утомляло, к тому же я уже несколько дней ощущал странное оцепенение, похожее на летаргию.

Я рано лег в постель. Из моей каюты были видны огни города и слышался тихий плеск воды о причал, возле которого мы стояли. Костас дремал на корме с удочкой. Прежде чем заснуть, я позвал его. Он сонно ответил, что на море нет даже ряби и что он уже поймал две отличные кефали.

Очнулся я уже здесь, на Хаггопиане, три недели спустя. Миксина снова меня укусила! Мне рассказали, что Костас услышал плеск и нашел меня в аквариуме с миксиной. Ему удалось вытащить меня из воды, прежде чем я успел утонуть, но ему пришлось приложить немало усилий, чтобы оторвать чудовище от меня или, вернее, оторвать меня от чудовища!

Последствия уже начинают проявляться, мистер Белтон. Видите?

Он расстегнул рубашку, показав отметины на груди – круглые шрамы диаметром примерно в три дюйма, похожие на те, что я видел у акул-молотов в аквариуме – и я застыл в кресле с раскрытым ртом, увидев их количество! Рубашка была расстегнута до шелкового пояса ниже груди, и неповрежденным оставалось не больше дюйма кожи – местами шрамы даже перекрывались!

– Бог мой! – наконец выдохнул я.

– Какой бог? – тотчас же прошипел Хаггопьян, пальцы которого снова начали возбужденно дрожать. – Какой бог, мистер Белтон? Иегова или Оаннес – человек-Христос или существо-Жаба – бог Земли или Воды? *Иа-Р'льех, Ктулху фх-тагн; Йибб-Тстлл; Йот-Сотот!* Я знаю многих богов, сэр!

Он снова наполнил стакан из графина, судорожно глотая мутную жидкость, и мне даже показалось, что он может подавиться. Когда он наконец поставил пустой стакан, я увидел, что он в очередной раз пытается овладеть собой.

— Во второй раз, — продолжал он, — все считали, что я свалился в аквариум во сне, и для этого вовсе не требовалось обладать богатым воображением, поскольку в детстве я страдал легкой степенью сомнамбулизма. Сначала даже я сам в это поверил, поскольку тогда еще не осознавал ту власть, которую имеет надо мной это создание. Говорят, будто миксины слепы, мистер Белтон, и для более известных видов это определенно так, но моя миксина слепой не была. Более того, сколь бы примитивной она ни являлась, мне показалось, что после третьего или четвертого раза она начала меня узнавать! Я держал ее в аквариуме, где вы видели акул-молотов, запретив кому-либо другому входить в ту комнату. Я приходил к ней по ночам, когда у меня возникало соответствующее... настроение, и она была там, дожидаясь меня, прижимаясь к стеклу уродливой пастью и с предвкушением глядя на меня своими странными глазами. Она подплывала прямо к лестнице, когда я начинал по ней подниматься, ожидая, когда я спущусь к ней в воду. Я надевал маску с дыхательной трубкой, чтобы иметь возможность дышать, пока она... пока...

Хаггопян снова весь дрожал, постоянно вытирая лицо шелковым платком. Радуюсь возможности отвести взгляд от

его странно блестящего лица, я допил пиво и вылил в стакан остатки из бутылки. Пиво к тому времени почти выдохлось, но, понятное дело, я испытывал куда меньшую жажду, чем Хагтопян. Я сделал глоток, лишь для того, чтобы промочить пересохшее горло.

– Самое худшее заключалось в том, – помолчав, продолжал он, – что происходившее со мной случалось не против моей воли – точно так же, как с акулами и другими рыбами-жертвами. Я наслаждался каждой чудовищной связью, как алкоголик наслаждается эйфорией от виски, как наркоман наслаждается своими галлюцинациями, и следствия моего пагубного влечения были не менее разрушительными! У меня больше не было лихорадки, как после двух первых «сеансов» с этой тварью, но я чувствовал, что мои силы медленно, но верно истощаются. Мои помощники, естественно, знали, что я болен, – нужно было быть глупцом, чтобы не заметить, как ухудшается мое здоровье или с какой скоростью я старею, но больше всего страдала моя жена.

Я мало что мог поделать, понимаете? Если бы мы вели обычную супружескую жизнь, она наверняка бы увидела отметины на моем теле, что потребовало бы объяснений, которые я не хотел – на самом деле и не мог – давать! О да, я набрался немалой хитрости, следуя своей губительной страсти, и никто не догадывался об истинных причинах странной болезни, которая медленно убивала меня, лишая жизненных сил.

Через год с небольшим, в 1958 году, когда я понял, что одной ногой стою в могиле, я позволил уговорить себя предпринять еще одно путешествие. Моя жена любила меня столь же преданно, как и прежде, и считала, что длительная морская поездка пойдет мне на пользу. Думаю, к тому времени Костас начал подозревать правду; я даже застал его однажды в запретной комнате, где он с любопытством разглядывал миксину в ее аквариуме. Подозрения его возросли еще больше, когда я сказал, что рыба отправится с нами, против чего он был с самого начала. Однако я убедил его, что еще не закончил свои исследования миксины и что намереваюсь в конечном счете выпустить ее в море. Собственно, я не верил, что переживу путешествие. С шестнадцати стоунов веса я похудел до девяти!

Мы стояли на якоре у Большого Барьерного рифа, когда моя жена застала меня с миксиной. Остальные спали после прошедшей на борту вечеринки по случаю дня рождения. Я настоял на том, чтобы все пили и веселились, так что я мог быть уверен, что никто меня не побеспокоит, но жена выпила очень мало, а я этого не заметил. Когда я ее увидел, она стояла рядом с аквариумом, глядя на меня и на... эту тварь! Никогда не забуду ее лицо, весь отразившийся на нем ужас, и ее крик, прорезавший ночь!

Когда я выбрался из аквариума, ее уже не было. Она упала или выбросилась за борт. Крик ее разбудил команду, и Костас вскочил первым. Он увидел меня еще до того, как

я успел прикрыться. Я взял троих матросов, и мы отправились на шлюпке на поиски моей жены. Когда мы вернулись, Костас прикончил миксину, несколько раз ударив ее багром. Голова ее напоминала кровавую кашу, но даже мертвая, она продолжала цепляться за пустоту своей пастью-присоской!

После этого я не видел Костаса почти целый месяц. Вряд ли ему хотелось быть рядом со мной – наверняка он понимал, что я оплакиваю не только свою жену!

Что ж, на этом заканчивается первая стадия, мистер Белтон. Ко мне быстро вернулись прежний вес и здоровье, лицо и тело вновь помолодели, и я стал почти тем же человеком, что и прежде. «Почти» – потому что, естественно, полностью прежним я стать не мог. Во-первых, я лишился всех своих волос. Как я уже говорил, эта тварь настолько истощила меня, что я одной ногой стоял в могиле. А кроме того, как напоминание о прошлом ужасе, на моем теле остались шрамы, и еще больший шрам в моей душе, который болит до сих пор, когда я вспоминаю лицо моей жены, каким я видел его в последний раз.

В течение последующего года я закончил свою книгу, но ничего не упомянул о своих открытиях во время «Экспедиции за ламантинами», а также о своих злоключениях с чудовищной рыбой. Книгу я посвятил, как вам наверняка известно, памяти моей несчастной жены, но прошел еще год, прежде чем эпизод с миксиной полностью изгладился из моей памяти. С тех пор я не мог вынести даже мысли о своей

прежней жуткой привязанности.

Вскоре после того, как я женился во второй раз, началась вторая стадия...

Какое-то время я ощущал странную боль в животе, между пупком и диафрагмой, но не побеспокоился о том, чтобы обратиться к врачу. Терпеть не могу врачей. Через полгода после свадьбы боль исчезла, но ее сменило нечто куда худшее!

Зная о моем страхе перед врачами, моя новая жена хранила мою тайну, и, хотя никто из нас этого не понимал, это было самое худшее, что мы могли сделать. Возможно, если бы я сообразил раньше...

Видите ли, мистер Белтон, у меня появился... да, новый орган! Из моего живота вырос придаток, похожий на хобот, с маленькой дырочкой на конце, словно второй пупок! Естественно, в конце концов мне пришлось встретиться с врачом, и, после того как он осмотрел меня и сказал самое худшее, я взял с него клятву – или, вернее, заплатил ему – чтобы он молчал. Он сказал, что орган невозможно удалить, так как он стал частью меня: со своими кровеносными сосудами, главной артерией и связями с моими легкими и желудком. Орган не был злокачественным образованием, но больше врач ничего объяснить не мог. Однако после ряда изнурительных анализов он все же смог сказать, что моя кровь тоже претерпела изменения. Судя по всему, в моем организме было слишком много соли. Врач сказал, что вообще не понимает, как я еще жив!

На этом все не закончилось, мистер Белтон, поскольку вскоре начали происходить другие изменения – на этот раз с самым похожим на хобот органом, когда крошечное отверстие на его конце начало открываться!

А потом... потом... моя бедная жена... и мои глаза!

Хаггопяну снова пришлось остановиться. Он сидел, раскрыв рот, словно вытащенная из воды рыба; все его тело была дрожь, по лицу стекали тонкие струйки влаги. Снова наполнив стакан, он напился мутной жидкости и вновь вытер внушающее ужас лицо шелковым платком. В горле у меня пересохло, и даже если бы я хотел что-то сказать, вряд ли сумел бы это сделать. Я потянулся к своему стакану, просто чтобы чем-то себя занять, пока армянин пытался овладеть собой, но стакан, естественно, оказался пуст.

– Я... мне кажется... вы... – судорожно пробормотал Хаггопян и зашелся хриплым лающим кашлем, собираясь закончить свою жуткую историю. Голос его стал еще более нечеловеческим, чем прежде.

– Вы... у вас куда более крепкие нервы, чем я думал, мистер Белтон, и... вы были правы: вас не так-то легко потрясти или напугать. Собственно, это я трус, поскольку не могу рассказать все до конца. Я могу лишь... показать вам, а потом вы должны уйти. Можете подождать Костаса на причале...

С этими словами Хаггопян медленно встал и снял растегнутую рубашку. Словно загипнотизированный, я смотрел, как он разматывает шелковую ленту на поясе, как ста-

новится видимым его... орган, слепо шаря на свету, словно хобот муравьеда! Но это был не хобот!

На конце его виднелась открытая пасть – красная и омерзительная, с рядами острых мелких зубов, – а по краям ее шевелились жаберные щели, вдыхая разреженный воздух!

Но даже на этом все ужасы не закончились. Когда я, пошатываясь, поднялся на ноги, армянин снял свои жуткие темные очки! Впервые я увидел его глаза, его выпученные рыбы глаза без белков, словно шары из черного мрамора, сочащиеся болезненными слезами в чуждой для них среде, глаза, приспособленные к мутной воде морских глубин! Я помню звучавшие в моих ушах последние слова Хаггопяна, пока я, не разбирая дороги, бежал по берегу к причалу, слова, которые он прохрипел, сбрасывая пояс и снимая темные очки с лица.

– Не жалейте меня, мистер Белтон, – сказал он. – Море всегда было моей первой любовью, и я многое о нем не знаю даже сейчас, но еще узнаю. И я буду не одинок среди Обитателей глубин. Среди них есть та, кто уже ждет меня, и та, кто еще придет!

* * *

Во время короткого путешествия назад в Клетнос, несмотря на то что услышанное в немалой степени меня ошеломило, журналист во мне все-таки взял верх, и я сно-

ва подумал о чудовищной истории Хаггопяна и ее столь же чудовищных последствиях. Я думал о его огромной любви к океану, о странной мутной жидкости, с помощью которой он, очевидно, поддерживал свое существование, и о тонкой пленке защитной слизи, которая блестела на его лице и, видимо, покрывала все его тело. Я подумал о его странных предках и экзотических богах, которым они поклонялись, о созданиях, выходивших из моря, чтобы спариваться с людьми! Я думал о свежих отметинах, которые я видел на брюхах акул-молотов в большом аквариуме, отметинах, сделанных не паразитами, поскольку Хаггопян выпустил своих миног в море три года назад, и о второй жене, которую упоминал армянин, по слухам, умершей от некоей «экзотической болезни»! Наконец, я подумал о других слухах, ходивших о его третьей жене, о том, что она больше не живет вместе с ним. Но лишь когда мы причалили в Клетносе, я понял, что эти слухи на самом деле не соответствуют действительности.

Ибо, когда верный Костас помогал старой женщине выйти из лодки, она наступила на тянувшийся за ней край платка. Платок и ее вуаль составляли единое целое, и из-за ее неуклюжести на мгновение приоткрылись лицо, шея и плечо чуть выше левой груди. В тот же миг я впервые увидел целиком ее лицо... и красные шрамы, начинавшиеся чуть ниже ключицы!

Наконец мне стало ясно странное влечение, которое ис-

пытывала она к Хаггопяну, подобное омерзительной тяге, которую испытывали к жуткой миксине из его рассказа ее добровольные жертвы! Мне также стало ясно, почему меня привлекли ее классические, почти аристократические черты, ибо это были черты одной известной в последнее время афинской модели! Третьей жены Хаггопяна, вышедшей за него замуж в день своего восемнадцатилетия! А потом, снова вспомнив о его второй жене, «похороненной в море», я, наконец, понял, что имел в виду армянин, когда говорил: «Среди них есть та, кто уже ждет меня, и та, кто еще придет!»

Цементные стены⁷

За два месяца до написания «Призывающего Тьму», в июне 1967 года, я закончил «Цементные стены», которые Август Дерлет сразу же взял в готовившуюся к публикации антологию «Рассказы о Мифе Ктулху». Я взял свой гонорар (целых семьдесят пять долларов, за которые был крайне благодарен) книгами издательства «Аркхэм Хаус», что было с моей стороны вполне разумным поступком – будь эти книги у меня сейчас, они стоили бы целое состояние! Но, хоть я и могу пролить слезу по этому поводу, вряд ли мне стоит жаловаться, поскольку в нескольких случаях они спасли мою шкуру (в финансовом смысле). В любом случае в свое время «Цементные стены» действительно появились в «Рассказах о Мифе Ктулху» вместе с еще одним рассказом Ламли, а также произведениями других современных авторов. Однако для «Цементных стен» этот сборник не стал местом вечного упокоения, поскольку впоследствии я использовал это название в качестве главы для моего первого романа о Мифе – «Беспощадная война».

---

⁷ “Cement Surroundings”, from Tales of the Cthulhu Mythos, Arkham House, 1969. Плешков К. П., перевод на русский язык, © 2018.

I

Никогда не перестану удивляться тому, как некоторые, якобы считающие себя христианами, получают извращенное удовольствие от несчастий других. И окончательно я поверил в это, когда начали распространяться досужие слухи и сплетни, последовавшие за трагической гибелью самого близкого из моих родственников.

Некоторые полагали, что точно так же, как луна влияет на приливы и отчасти на медленное движение земной коры, она влияла и на поведение сэра Эмери Уэнди-Смита после его возвращения из Африки. В качестве доказательства они указывали на внезапно возникшее у моего дяди увлечение сейсмографией – наукой о землетрясениях, которая настолько его захватила, что он построил свой собственный прибор – модель, не имеющую обычного бетонного основания, но при этом настолько точную, что она способна измерять даже самые малейшие глубокие толчки, от которых постоянно содрогается наша планета. Именно этот прибор стоит сейчас передо мной, спасенный из руин коттеджа, и я все чаще бросаю на него опасливые взгляды. До своего исчезновения дядя проводил перед ним многие часы, словно без особой цели, изучая едва заметные движения пера самописца.

Что касается меня, то я находил более чем странным неприязнь, которую сэр Эмери, какое-то время живший по-

сле своего возвращения в Лондоне, испытывал к метро, предпочитая тратить немалые деньги на такси, нежели спускаться в «черные туннели», как он их называл. Да, странно. Но я никогда не считал подобное признаком душевного расстройства.

И все же даже его немногие самые близкие друзья, казалось, были убеждены в его безумии, считая, что виной тому его жизнь в опасной близости от мертвых и давно забытых цивилизаций, столь его увлекавших. Но разве могло быть иначе? Мой дядя был одновременно любителем древностей и археологом. В своих странных путешествиях в чужие края он вовсе не ставил целью получить какую-либо личную выгоду или признание. Он предпринимал их, скорее, из любви к жизни, чем из желания снискать славу среди своих коллег, которые чаще всего от него просто отмахивались, хотя и завидовали его прозорливости и любознательности, которые, как я теперь начинаю понимать, были скорее его проклятием, нежели даром. Мне горько сознавать, что они отвергли его после жуткого завершения последней экспедиции. В свое время многие из них добились своего нынешнего положения благодаря открытиям дяди, но после своего последнего путешествия он предпочел не делиться с ними славой. Полагаю, что по большей части их злорадные утверждения о его помешательстве имели своей целью лишь преуменьшить величие его гения.

Последнее сафари явно приблизило его физический ко-

нец. Прежде осанистый и крепкий для человека его возраста, с черными как смоль волосами и постоянно улыбавшийся, он основательно сгорбился и сильно потерял в весе. Волосы его поседели, а улыбка стала нервной, с отчетливым подергиванием в уголке рта.

Еще до того, как с ним произошли чудовищные изменения, сделавшие его объектом насмешек для бывших «друзей», сэр Эмери расшифровал или перевел – в чем я не особо разбираюсь – несколько рассыпающихся древних осколков, известных в археологических кругах как «Фрагменты Г'харна». Хотя он никогда в полной мере не обсуждал со мной свои находки, я знаю, что именно полученные благодаря им сведения заставили его отправиться в злополучное путешествие в Африку. Вместе с горсткой близких друзей, таких же ученых, он отправился в дебри на поиски легендарного города, который, как считал сэр Эмери, существовал за многие века до того, как были заложены фундаменты пирамид. И действительно, по его расчетам, первобытных предков человека еще не было в природе, когда впервые поднялись к небу каменные бастионы Г'харна. Заявления моего дяди об их возрасте, если они вообще существовали, подтверждались и новыми научными исследованиями «Фрагментов Г'харна», относивших их ко времени до начала триасского периода, и ничто не могло объяснить тот факт, что они не превратились в многовековую пыль.

Именно сэр Эмери, один и в ужасном состоянии, шатаясь,

добрался до лагеря дикарей через пять недель после того, как экспедиция вышла из туземной деревни, где в последний раз контактировала с цивилизацией. Несомненно, нашедшие его жестокие дикари расправились бы с ним на месте чисто из суеверия. Однако их остановили его дикий вид и странный язык, на котором он кричал. К тому же он явился с территории, считавшейся табу в легендах племени. В конце концов они кое-как вылечили его и вывели в более цивилизованные места, откуда он сумел добраться до внешнего мира. О других членах экспедиции никто с тех пор ничего не слышал, и только мне известна эта история, которую я прочитал в присланном мне дядей письме. Но об этом позже.

После возвращения в Англию сэр Эмери начал приобретать уже упоминавшиеся выше эксцентричные черты характера, и любого намека или разговора на тему исчезновения его коллег было достаточно, чтобы он начинал бессвязно бормотать о всяких необъяснимых вещах, вроде «по-таенной земли, где сидит погруженный в мрачные мысли Шудде-Мьелл, замышляя уничтожить человечество и освободить из подводной темницы Великого Ктулху...». Когда его официально попросили объяснить, что стало с его пропавшими спутниками, он сказал, что они погибли во время землетрясения, и хотя, по слухам, его просили пояснить свой ответ, он больше ничего не говорил...

Так что, не зная, как он станет реагировать на вопросы о своей экспедиции, я не осмеливался его расспрашивать. Од-

нако в те редкие моменты, когда он считал нужным поговорить об этом сам, я жадно его слушал, не меньше других желая, чтобы тайна наконец раскрылась.

Прошло всего несколько месяцев после его возвращения, когда он неожиданно уехал из Лондона и пригласил меня составить ему компанию в его коттедже, стоявшем на отшибе среди йоркширских торфяников. Приглашение выглядело несколько странным, учитывая, что он провел много месяцев в полном одиночестве в разнообразных уединенных местах и предпочитал считать себя кем-то вроде отшельника. Я согласился, увидев в том прекрасную возможность оказаться подальше от людей, что особенно способствует творческому настроению.

II

Однажды, вскоре после того как я обустроился на новом месте, сэр Эмери показал мне пару красивых жемчужных шаров, диаметром примерно в четыре дюйма каждый. Хотя он не мог точно назвать материал, из которого они были сделаны, он смог объяснить мне, что тот представляет собой некое неизвестное сочетание кальция, хризолита и алмазной пыли. Каким образом они были изготовлены, по его словам, можно было лишь догадываться. Он рассказал, что шары были найдены на месте мертвого Г'харна – первый намек на то, что он действительно его нашел в погребенном под землей

каменном ящике без крышки, грани которого, расположенные под странным углом, украшали каменные изображения крайне чужеродного вида. Сэр Эмери не стал подробно их описывать, заявив лишь, что суть их настолько омерзительна, что он предпочитает ее не воспроизводить. Наконец в ответ на мои наводящие вопросы он сказал, что они изображали чудовищные жертвоприношения некоему неизвестному божеству. Больше он говорить ничего не стал, но отослал меня к трудам Коммода и Каракаллы. Он упомянул также, что на ящике наряду с изображениями имелось множество высеченных символов, очень похожих на клинопись «Фрагментов Г'харна» и в некоторых отношениях удивительно схожих с почти непостижимыми «Пнакотическими рукописями». Вполне возможно, продолжал он, что ящик был на самом деле своего рода коробкой для игрушек, а шары – погремушками для кого-то из детей древнего города; в той части странных надписей на ящике, что ему удалось расшифровать, определенно упоминались дети, или детеныши.

Именно в этот момент его рассказа я вдруг заметил, что глаза сэра Эмери начали стекленеть, а речь стала бессвязной – словно некая странная сила начала воздействовать на его сознание. Внезапно впад в гипнотический транс, он начал бормотать что-то о Шудде-Мьелле и Ктулху, Йог-Сототе и Йибб-Тстлле – «чужих богах, не поддающихся описанию» – и о мифических местах со столь же фантастическими названиями: Сарнат и Гиперборея, Р'льех, Эфирот и многие дру-

гие...

Как бы мне ни хотелось побольше узнать о трагической судьбе экспедиции, боюсь, именно я остановил сэра Эмери, не дав ему продолжать. Как бы я ни старался, но, слыша его бормотание, я не мог скрыть беспокойство и озабоченность, что вынудили его поспешно извиниться и скрыться в своей комнате. Позднее, когда я заглянул в его дверь, он был полностью поглощен своим сейсмографом, сопоставляя отметки на графике с взятым из библиотеки атласом мира, и при этом тихо разговаривал сам с собой.

Естественно, учитывая интерес моего дяди к проблемам антропологии и религии, неудивительно, что в его библиотеке можно было найти работы, посвященные примитивным древним верованиям, такие как «Золотая ветвь» и «Кульť вѣдьм» мисс Мюррей. Но что я мог сказать о других книгах, которые я обнаружил в библиотеке дяди через несколько дней после своего приезда? На его полках стояло, по крайней мере, девять томов столь возмутительного содержания, что в течение многих лет они считались заслуживающими осуждения, богохульными, омерзительными, чудовищными плодами литературного помешательства. К ним относились «Хтаат Аквадинген» неизвестного автора, «Заметки о Некрономиконе» Фири, «Либер Миракулорем», «История магии» Элифаса Леви и выцветший, переплетенный в кожу экземпляр жуткого «Культа упырей». Возможно, самое худшее, что я видел, – небольшой, защищенный от дальнейшего рас-

пада клейкой пленкой томик Коммода, который этот кровавый маньяк написал в 183 году нашей эры.

Более того, будто этих книг было мало, — что означало неразборчивое, то ли пение, то ли бормотание, которое часто доносилось из комнаты сэра Эмери посреди ночи? Впервые я услышал его на шестую проведенную в его доме ночь, когда меня вырвали из беспокойного сна отвратительные звуки языка, который, казалось, не могли воспроизвести человеческие голосовые связки. Однако мой дядя странным образом им владел, и я записал повторявшуюся последовательность звуков, попытавшись представить ее в виде слов. Слова эти — или звуки — выглядели так:

Се'хайе еп-нгх фл'хур Г'харне фхтагн,

Се'хайе фхтагн нгх Шудде-Мьелл.

Хай Г'харне орр'е фл'хур,

Шудде-Мьелл икан-и-каникас фл'хур орр'е Г'харне...

Хотя тогда эти слова казались мне непроизносимыми, я обнаружил, что с каждым днем мне странным образом все легче их выговаривать — словно по мере приближения некоего омерзительного кошмара я обретал способность выражаться его собственными понятиями. Возможно, я просто начал произносить эти слова во сне, а поскольку во сне все дается намного проще, способность эта сохранилась и наяву. Но это не объясняет сотрясений — тех самых необъяснимых сотрясений, что так пугали моего дядю. Являются ли толч-

ки, вызывавшие постоянную дрожь пера сейсмографа, всего лишь следами некоего обширного подземного катаклизма на глубине в тысячу миль и на расстоянии в пять тысяч, или причина их в чем-то ином, столь чуждом и пугающем, что разум мой отказывается подчиняться, когда я пытаюсь детально разобраться в этой проблеме...

III

После того как я провел вместе с сэром Эмери несколько недель, наступил момент, когда стало ясно, что он быстро выздоравливает. Да, он до сих пор ходил сгорбившись, хотя, как мне казалось, уже не столь заметно, и его так называемые странности тоже никуда не делись, но в остальном он стал больше напоминать себя прежнего. Нервный тик на лице полностью исчез, щеки приобрели некоторый цвет. Я предполагал, что его выздоровление во многом связано с нескончаемым изучением данных сейсмографа – к тому времени я уже установил наличие однозначной связи между показаниями прибора и болезнью дяди. И, тем не менее, я не мог понять, каким образом внутренние движения Земли столь влияют на состояние его душевного здоровья. После того как я снова побывал в его комнате, чтобы взглянуть на прибор, он продолжил свой рассказ о мертвом городе Г'харн. Мне следовало бы отвлечь его от этой темы, но...

– В надписях на фрагментах, – сказал он, – содержа-

лись сведения о местоположении города, название которого, Г'харн, известно лишь в легендах и который в прошлом упоминался на равных с Атлантидой, Му и Р'льех. Миф, и ничего больше. Но если легенда оказывается связана с конкретным местом, значение ее усиливается. А если в этом месте обнаруживаются реликты прошлого, погибшей давным-давно цивилизации, то легенда становится историей. Ты бы удивился, узнав, сколь немалая часть мировой истории возникла именно таким образом.

Интуиция подсказывала мне, что Г'харн существовал в реальности, а после того, как я расшифровал найденные фрагменты, я обнаружил, что могу тем или иным образом это доказать. Я бывал во многих странных местах, Пол, и слышал еще более странные истории. Однажды я жил в африканском племени, заявлявшем, что им известны тайны затерянного города. И там мне поведали о стране, где никогда не светит солнце, где спрятавшийся глубоко под землей Шудде-Мьелл замышляет посеять зло и безумие по всему миру, намереваясь воскресить другие, еще худшие мерзости!

Он скрывается под землей, дожидаясь, когда звезды займут нужное положение, когда его ужасающие орды станут достаточно многочисленными и когда он сможет наводнить мир злом, вернув в него другое, еще большее зло! Мне рассказывали истории о сказочных существах со звезд, которые населяли Землю за миллионы лет до появления человека и

которые продолжали жить здесь в некоторых потаенных местах. Говорю тебе, Пол, – голос его стал громче, – они живут здесь даже сейчас – в местах, которые никто не может себе даже представить! Мне рассказывали о жертвоприношениях Йог-Сототу и Йибб-Тстллу, от которых холодеет кровь, и о странных ритуалах, практиковавшихся под доисторическими небесами еще до возникновения Древнего Египта. По сравнению с тем, что я слышал, труды Альберта Великого и Гроберта выглядят банальными, и сам де Сад побледнел бы, узнав об этом.

Речь моего дяди ускорялась с каждой фразой, но в конце концов он перевел дыхание и продолжил, уже не столь быстро и более уравновешенным тоном:

– Первое, о чем я подумал, расшифровав фрагменты, – это экспедиция. Могу сказать тебе, что кое о чем я сумел докопаться здесь, в Англии. Ты бы удивился, узнав, что таится под поверхностью некоторых вполне мирных холмов Костуолда. Но это сразу же привлекло бы толпу так называемых «специалистов», так что я решился отправиться на поиски Г'харна. Когда я впервые упомянул об экспедиции Кайлу, Гордону и другим, мне пришлось придумать достаточно убедительный аргумент, ибо все они настаивали на том, чтобы поехать со мной. Впрочем, уверен, что некоторые из них считали мое предприятие сумасбродной затеей, поскольку, как я уже объяснял, Г'харн относится или, по крайней мере, относился к тому же миру, что и Му или Эфирот, и потому

его поиски напоминали поиски подлинной лампы Аладдина. Но несмотря ни на что, они отправились вместе со мной. По-другому они вряд ли могли поступить, ибо, если Г'харн в самом деле оказался бы реальностью... Только представь, какой славы они бы лишились! Они никогда бы себе этого не простили. И потому я не могу простить себе того, что случилось – если бы не моя история с загадочными фрагментами, все они были бы сейчас здесь, да поможет им Бог...

Голос сэра Эмери снова начал звучать возбужденно, и он лихорадочно продолжал:

– Господи, меня здесь просто тошнит! Не могу больше выдержать. Все из-за этой травы и земли, что приводят меня в содрогание! Цементные стены – вот что мне нужно, и чем толще, тем лучше... Но даже города имеют свои недостатки... Подземные туннели, и все такое... Видел «Катастрофу в метро» Пикмана, Пол? Господи, что за фильм... И та ночь...

Та ночь! Если бы ты видел их, поднимающихся с места раскопок... Если бы ты чувствовал дрожь... Да что там! Сама земля раскачивалась и плясала, когда они из-под нее поднимались... Мы побеспокоили их, понимаешь? Возможно, они даже подумали, будто мы на них напали, и вышли... Господи! Что могло стать причиной подобной жестокости? Всего за несколько часов до этого я поздравлял себя с находкой шаров, а потом... потом...

Он тяжело дышал, его глаза, как и прежде, частично

остекленели. Тембр голоса странным образом переменялся, став неразборчивым и чужим.

– *Се'хайе, Се'хайе...* Возможно, город и был погребен, но тот, кто назвал Г'харн мертвым, не знал и половины всего. Они были живы, живы в течение миллионов лет; возможно, они неспособны умереть... Почему бы и нет? Они ведь в своем роде боги, верно?.. Они появились перед нами в ночи...

– Дядя, прошу тебя! – сказал я.

– Незачем так на меня смотреть, Пол, или думать о том, о чем ты сейчас думаешь... Случалось и куда более странное, поверь мне. Могу поклясться, Уилмарт из Мискатоникского университета мог бы рассказать кое-что на этот счет! Ты не читал того, что писал Йохансен! Господи, прочитай отчет Йохансена! *Хай эн фл'хур...* Уилмарт... Старый болтун... Что он знает из того, о чем никогда не расскажет? Почему ничего не слышно о находке в Безумных горах, а? Что удалось откопать из-под земли Пэйбоди? Расскажи, если сумеешь? Ха-ха-ха! *Се'хайе, Се'хайе – Г'харн иканика...*

Перейдя на крик, сэр Эмери поднялся, отчаянно жестикулируя руками. Его взгляд остекленел. Вряд ли он вообще видел меня или хоть что-либо, за исключением жуткой картины, возникшей в его воображении. Я взял его за руку, чтобы успокоить, но он стряхнул мою ладонь, похоже, не понимая, что делает.

– Они поднимаются из-под земли, словно резиновые... Прощай, Гордон... Не кричи так – от крика мутится мой ра-

зум... Слава богу, это всего лишь сон! Кошмар, подобный остальным, что бывают у меня в последнее время... Это ведь сон, да? Прощай, Скотт, Кайл, Лесли...

Неожиданно он резко развернулся, вытаращив глаза.

– Земля расступается! Их множество... Я падаю... это не сон! Господи! Это не сон! Нет! Уходи, слышишь? А-а-а! Слизь... Беги!.. Беги! Прочь от этих – голосов? – прочь от этих звуков, от пения...

Неожиданно он сам начал петь, и чудовищный звук его голоса, не искаженный расстоянием или толстой прочной дверью, наверняка поверг бы более робкого слушателя в обморок. Звуки были похожи на те, что я слышал раньше ночью, а слова уже не казались столь зловещими, как на бумаге, даже, скорее, нелепыми, но хватало того, что они срывались с губ родного мне человека, столь плавно и непринужденно...

Эп эп фл'хур Г'харне,

Г'харне фхтагн Шудде-М'елл хьяс Негг'х...

Распевая эти невероятные слова, сэр Эмери начал перебирать ногами на месте, изображая гротескную пародию на бег. Внезапно он снова закричал, метнулся мимо меня и со всего размаху врезался в стену. Удар свалил его с ног, и он безвольно осел на пол.

Я боялся, что мои слабые попытки помочь могут оказаться недостаточными, но, к моему нескрываемому облегче-

нию, несколько минут спустя он очнулся, дрожащим голосом заверил меня, что «все в порядке, просто слегка переволновался!», и, опираясь на мою руку, удалился к себе в комнату.

В ту ночь я не мог сомкнуть глаз. Завернувшись в одеяло, я сел рядом с дверью в комнату дяди, на случай, если ему приснится дурной сон. Однако ночь прошла спокойно, и, как ни парадоксально, утром он, похоже, забыл о случившемся вчера и чувствовал себя намного лучше.

Современным врачам давно известно, что при определенных душевных расстройствах пациента можно излечить, заставив его заново пережить события, вызвавшие болезнь. Возможно, случившаяся с дядей прошлой ночью вспышка эмоций служила той же самой цели, или, по крайней мере, так я тогда считал, поскольку к тому времени у меня появились новые идеи насчет его ненормального поведения. Я полагал, что если у него бывали повторяющиеся кошмары, и первый из них случился в ту роковую ночь землетрясения, когда погибли его друзья и коллеги, было вполне естественным, что его разум начал сопротивляться пробуждению из страха перед кровавым зрелищем. И если моя теория была верна, она также объясняла его навязчивый интерес к сейсмографии...

IV

Неделю спустя последовало очередное мрачное напоми-

вание о душевном нездоровье сэра Эмери. Казалось, что состояние его улучшилось, хотя он до сих пор иногда бормотал во сне, и однажды он вышел в сад «немного подстричь кусты». Уже стояла сентябрьская прохлада, но ярко светило солнце, и дядя провел все утро с граблями и садовыми ножницами. Мы сами себя обеспечивали, и я подумал было о том, чтобы приготовить обед, как вдруг случилось нечто странное. Я отчетливо почувствовал, как земля шевельнулась у меня под ногами, и услышал отдаленный грохот. Когда это произошло, я сидел в гостиной; мгновение спустя дверь в сад распахнулась, и ворвался мой дядя. Смертельно бледный, с вытаращенными глазами он промчался мимо меня в свою комнату. Меня настолько потряс его безумный вид, что я едва успел подняться со стула, когда он, пошатываясь, вернулся обратно. С дрожащими руками он опустился в плетеное кресло.

– Это земля... Мне на миг показалось, будто земля... – пробормотал он скорее про себя, чем обращаясь ко мне. Все его тело была ощутимая дрожь. Увидев озабоченное выражение моего лица, он попытался успокоиться. – Земля. Я был уверен, что почувствовал толчок – но ошибся. Это все из-за открытого пространства... Боюсь, мне в самом деле придется сделать над собой усилие и убраться отсюда. Здесь слишком много земли и слишком мало цемента! Цементные стены...

Я уже было собрался сказать, что тоже ощутил толчок, но,

услышав, что он полагает, будто ошибся, промолчал, не желая без нужды ухудшать его и без того уже заметно пострадавшее душевное состояние.

Ночью, когда сэр Эмери ушел спать, я зашел в его кабинет – помещение, которое он считал неприкасаемым, хотя никогда об этом не говорил, – чтобы взглянуть на сейсмограф. Однако раньше самого прибора я увидел разбросанные на столе рядом с ним заметки. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что листы белой писчей бумаги исписаны крупным почерком моего дяди. Присмотревшись внимательнее, я обнаружил, что они описывают череду внешне не имеющих между собой ничего общего, но явно как-то связанных событий, отчасти объясняющих его странные иллюзии. Записки эти впоследствии оказались в моем полном владении, и далее я воспроизвожу их содержание:

СТЕНА АДРИАНА.

122–128 г. н. э. Известняковая отмель (Гн'ях из «Фрагментов»???). Раскопки были прерваны из-за землетрясения, вследствие чего высеченные базальтовые блоки остались в незавершенной траншее, с отверстиями для клиньев.

В'ньял-Шаш (МИТРА).

У римлян были свои божества, но последователи Коммода, Кровавого Маньяка, приносили жертвы на Известняковой отмели вовсе не Митре! И именно в том же самом месте

пятьюдесятью годами раньше был извлечен из земли огромный каменный блок, покрытый надписями и высеченными изображениями! Центурион Сильванус уничтожил надписи и закопал его обратно. Позднее, глубоко под землей, на том месте, где когда-то стояла таверна Викаса в форте Хаустед, был найден скелет, однозначно принадлежавший Сильванусу, судя по кольцу с печатью на его пальце, но мы не знаем, каким образом он погиб! Столь же неосторожными оказались и последователи Коммода. Судя по словам Каракаллы, они тоже пропали без вести в течение одной ночи – во время землетрясения!

ЭЙВБЕРИ.

(Неолитический А'бии из «Фрагментов» и «Пнакотических рукописей»???) Упоминается в книге Стьюкли⁸, «Храм британских друидов», невероятно...

Друиды, в самом деле... Но Стьюкли был почти прав, когда говорил о Культе Змей! Червей – так было бы точнее!

НАНТСКИЙ СОВЕТ.

(IX век) Совет не понимал, что делает, когда заявлял: «Да будут камни, которым обманутые демонами поклоняются среди руин и лесов, где приносят свои обеты и совершают

---

⁸ Уильям Стьюкли (1687–1765) – британский антиквар, пионер археологических исследований Стоунхенджа и Эйвбери, один из основателей полевой археологии.

жертвоприношения, вырыты из земли до самого основания и разбросаны там, где их поклонники никогда не сумеют их найти...» Я перечитывал этот абзац столько раз, что выучил его наизусть! Одному богу известно, что стало с несчастными, кто пытался исполнить повеление Совета...

РАЗРУШЕНИЕ ВЕЛИКИХ КАМНЕЙ.

В XIII и XIV веках Церковь также пыталась убрать ряд камней из Эйвбери из-за местных предрассудков, заставлявших крестьян участвовать в языческих обрядах и колдовстве, совершавшихся вокруг них! Некоторые из камней были полностью уничтожены – огнем и водой – «как дьявольское орудие».

ИНЦИДЕНТ.

1920–1925 годы. Из-за чего была предпринята попытка закопать один из Великих камней? Вследствие подземного толчка камень сдвинулся, придавив рабочего.

Никто не предпринял никаких усилий, чтобы его освободить... Происшествие случилось на закате, и еще двое умерли от страха! Почему остальные землекопы сбежали? И что представляло собой выползавшее из-под земли гигантское существо, которое видел один из них? Якобы оно оставляло за собой чудовищный запах... По их запаху узнаем мы их... Не было ли оно порождением еще одного гнезда бессмертных упырей?

ОБЕЛИСК.

Почему был разрушен огромный обелиск, описанный Стьюкли? Его обломки были погребены под землей в начале XVIII века, но в 1833 году Анри Браун нашел на его месте обгоревшие остатки жертвоприношений... А рядом, на Силбери-хилл... Господи! Этот дьявольский холм! Даже среди подобных ужасов есть такие, о которых лучше не думать – и пока я еще сохраняю рассудок, пусть Силбери-хилл остается одним из них!

АМЕРИКА: ИННСМУТ.

1928 год. Что на самом деле произошло, и почему Федеральное правительство сбросило глубинные бомбы возле Дьявольского рифа у Атлантического побережья, неподалеку от Иннсмута? Почему была изгнана половина жителей Иннсмута? Какова их связь с Полинезией, и что еще погребено в морских глубинах?

ИДУЩИЙ-С-ВЕТРОМ.

(Идущий-со-Смертью, Итаква, Вендиго и т. д.), еще один кошмар – хотя и другого типа!

И какие свидетельства! Предполагаемые человеческие жертвоприношения в Манитобе. Невероятные обстоятельства, окружающие дело Норриса! Спенсер из Квебекского университета в буквальном смысле подтвердил его юриди-

ческую силу... А в...

Но на этом записки обрываются, и, когда я читал их впервые, я был этому даже рад. Становилось ясно, что мой дядя далеко не выздоровел, и его рассудок до сих пор не в порядке. Конечно, имелась вероятность, что он писал эти записки до кажущегося улучшения состояния его здоровья, и дела его вовсе не столь плохи, как можно было бы подумать.

Положив записки в точности на то же самое место, где я их нашел, я переключил свое внимание на сейсмограф. Линия на графике была абсолютно прямой, и когда я размотал ленту и проверил прошлые данные, оказалось, что график остается столь же неестественно гладким последние двенадцать дней. Как я уже говорил, между прибором и состоянием моего дяди существовала прямая связь, и, несомненно, подтверждение того, что земля пребывает в покое, служило причиной его относительно хорошего самочувствия в последнее время. Но была и некая странность... Честно говоря, мое открытие меня удивило, поскольку я был уверен, что чувствовал толчок и даже слышал низкий гул, и казалось невероятным, чтобы и сэр Эмери, и я одновременно испытали один и тот же обман чувств. Смотав ленту, я повернулся, чтобы уйти, и тут заметил то, на что не обратил внимания дядя. На полу лежал маленький латунный винт. Снова размотав ленту, я увидел маленькое потайное отверстие, которое уже видел раньше, но не придавал ему особого значения.

На сей раз я предположил, что оно предназначается именно для этого винта. Я совершенно не разбираюсь в механике, и не мог сказать, какую роль эта маленькая деталь играет в функционировании прибора; тем не менее, я поставил ее на место и вновь запустил прибор. Я немного постоял, проверяя, что все работает как надо, и несколько секунд не замечал ничего необычного. Потом я понял, что что-то все же изменилось — до этого я слышал негромкое гудение механизма и непрерывный скрип пера о бумагу. Гудение продолжалось, но скрип стал прерывистым, что заставило меня перевести взгляд на перо.

Судя по всему, маленький винт действительно значил очень многое. Неудивительно, что толчок, который мы ощутили днем и который настолько взволновал дядю, остался незафиксированным. Прибор тогда не работал как полагается — но теперь... Теперь было отчетливо видно, что каждые несколько минут земля содрогается от толчков, которые, хотя и были почти неощутимы, заставляли перо вычерчивать зигзаги на перематывающейся бумажной ленте...

* * *

Когда я наконец лег, то дрожал куда сильнее, чем земля, хотя и не мог понять причину безотчетной тревоги, которую вызвало мое открытие. Да, я знал, что воздействие на моего дядю прибора, который теперь, видимо, работал как на-

до, не слишком благотворно и может даже вызвать у него очередной «приступ», но почему это меня так беспокоило? Если подумать, не было никаких причин для повышенной сейсмической опасности в какой-то области страны. В конце концов, я решил, что прибор либо неисправен, либо слишком чувствителен, и заснул, убедив себя, что сильный толчок, который мы оба почувствовали, лишь случайно совпал с ухудшением состояния дяди. И, тем не менее, прежде чем погрузиться в сон, я успел заметить, что сам воздух, казалось, полон странного напряжения, а легкий ветерок, шевеливший днем позднюю листву, полностью стих, оставив после себя абсолютную тишину, в которой мне всю ночь снилось, будто земля дрожит под моей кроватью...

V

На следующее утро я встал рано. У меня закончились письменные принадлежности, и я решил поехать утренним автобусом в Рэдкар. Я ушел еще до того, как сэр Эмери проснулся, и, освежив за время поездки в памяти события предыдущего дня, решил провести небольшое исследование, пока буду в городе. В Рэдкаре я перекусил, а потом позвонил в редакцию «Рэдкар Рекордера». Помощник редактора, мистер Мак-Киннен, оказал мне немалую помощь, потратив свое время на обширные запросы по телефону от моего имени. В конце концов я выяснил, что в течение большей части

года в Англии не было зафиксировано никаких существенных подземных толчков, с чем я однозначно бы поспорил, если бы не получил дальнейшую информацию. Я узнал, что за последние сутки небольшие толчки все-таки были в отстоявшем на несколько миль Гуле и в Тентердене в окрестностях Дувра. Едва заметные толчки были зафиксированы также в Рэмси в графстве Хантингдоншир. Поблагодарив мистера Мак-Киннена за помощь, я уже собрался уходить, но напоследок он спросил, не интересуют ли меня международные данные. Я с благодарностью принял его предложение, и мне предоставили для изучения большую кипу интересных переводов. Конечно, большая их часть оказалась для меня бесполезна, но мне не потребовалось много времени, чтобы найти то, что я искал. Сначала я с трудом мог поверить собственным глазам. Я прочитал, что в августе случилось землетрясение во французском департаменте Эна, настолько серьезное, что обрушились один или два дома и пострадало несколько человек. Подобные же толчки произошли несколькими неделями раньше в Ажене, и сходство заключалось в том, что вызваны они были скорее неким смещением земной поверхности, чем настоящим землетрясением. В начале июля толчки происходили также в Калахорре, Чинчоне и Ронде в Испании. След был столь же прям, как полет стрелы, и вел через Гибралтарский пролив – или, вернее, под ним – к Шавшавану в Испанском Марокко, где обрушились дома на целой улице. И еще дальше, к... Но с меня было достаточно. Я не

осмелился заглядывать дальше, мне не хотелось знать, даже примерно, где находится мертвый Г'харн...

Я узнал более чем достаточно, чтобы забыть о первоначальной цели своей поездки. Моя книга могла и подождать, ибо теперь имелись дела поважнее. Следующим пунктом моего назначения стала городская библиотека, где я взял «Атлас мира» Никлджона и открыл его на странице с большой раскладывающейся картой Британских островов. Достаточно хорошо зная географию и английские графства, я уже раньше заметил некую странность в расположении внешне никак не связанных мест в Англии, где случились небольшие подземные толчки, и, как оказалось, не ошибся. Воспользовавшись другой книгой в качестве линейки и соединив Гул в Йоркшире с Тентерденом на южном побережье, я увидел, что линия проходит очень близко, если не прямо через Рэмси в Хантингдоншире. С тревожным любопытством я продолжил линию дальше на север и неожиданно понял, что она проходит всего в миле или около того от коттеджа на торфяниках! Перевернув непослушными пальцами несколько страниц, я нашел карту Франции. Мгновение помедлив, я отыскал Испанию, и, наконец, Африку. Я долго сидел в полной тишине, ошеломленно переворачивая страницы и машинально проверяя места и названия... Мысли мои пребывали в полнейшем беспорядке, когда я в конце концов вышел из библиотеки и почувствовал ползущий вдоль позвоночника холодок первобытного ужаса. Моя прежде вполне здоровая

нервная система начала сдавать...

Во время обратной поездки через торфяники вечерним автобусом, задремав под мерное гудение мотора, я снова услышал слова сэра Эмери, которые он бормотал вслух во сне: «Они не любят воду... Англия в безопасности... Им придется слишком глубоко погрузиться...»

Воспоминание об этих словах заставило меня проснуться, и меня снова пробрал до мозга костей ледяной холод. И неспроста, ибо то, что ожидало меня в коттедже, окончательно добило меня...

Когда автобус свернул за последний поросший лесом поворот, я увидел, что дом обрушился. Я не мог поверить собственным глазам! Даже зная все то, что уже было известно, мой измученный разум отказывался воспринимать происходящее. Выйдя из автобуса, я подождал, пока он проедет среди стоящих полицейских машин, а затем перешел через дорогу. Ограда перед коттеджем была повалена, чтобы дать возможность машине «Скорой» припарковаться в странно покосившемся саду. Вокруг горели прожектора, поскольку было почти совсем темно, и среди невообразимых руин лихорадочно трудилась команда спасателей. Пока я стоял, пораженный ужасом, ко мне подошел полицейский и, после того как я, запинаясь, представился, рассказал следующее.

То, как обрушился дом, видел проезжавший мимо автомобилист, а сопровождавшие этому толчки ощущались в близлежащем Марске. Поняв, что сам он мало чем может

помочь, автомобилист помчался в Марске, чтобы сообщить о случившемся. Судя по всему, коттедж обвалился, словно картонный домик. Полиция и «Скорая» появились на месте происшествия через несколько минут, и немедленно началась спасательная операция. Казалось, был шанс, что в момент обрушения мой дядя отсутствовал в доме, поскольку пока что не было найдено никаких его следов. Вокруг чувствовался странный едкий запах, но он исчез вскоре после начала работ. Спасатели проверили все комнаты, за исключением кабинета, и, пока офицер посвящал меня в подробности, они продолжали лихорадочно растаскивать обломки.

Неожиданно послышались возбужденные голоса. Я увидел группу спасателей, которые стояли, глядя на что-то у себя под ногами. Сердце мое подпрыгнуло, и я перебрался через обломки, чтобы взглянуть, что они нашли.

Там, где раньше был пол кабинета, я увидел то, чего опасался и чего отчасти ожидал. Это была всего лишь дыра, зияющая дыра в полу, но судя по расположению половиц и тому, как они были разбросаны, похоже было, что земля не провалилась, но, напротив, кто-то будто вытолкнул ее снизу!

VI

С тех пор никто не видел сэра Эмери Уэнди-Смита и ничего о нем не слышал, и, хотя он числится пропавшим без вести, я точно знаю, что его нет в живых. Он отправился в

миры древних чудес, и я молюсь лишь о том, что его душа блуждает по нашу сторону порога. Из-за нашего собственно-го невежества мы поступили с сэром Эмери крайне несправедливо — я и все остальные, кто считал его не в своем уме. Теперь я понимаю все его странные поступки, но понимание тяжело мне далось и многого мне стоило. Нет, он не был безумцем. Он поступал так, как поступал, ради самосохранения, и хотя все его предосторожности в конце концов оказались тщетны, им двигал именно страх перед безымянным злом, а не безумие.

Но худшее еще впереди. Мне самому предстоит встретить такой же конец. Я знаю об этом, ибо, что бы я ни делал, толчки преследуют меня. Или мне только так кажется? Нет! С моим рассудком все в порядке. Мои нервы никуда не годятся, но разум ясен. Я слишком многое знаю! Они посещают меня во снах, так же, как, видимо, посещали моего дядю, и то, что они читают в моих мыслях, предупреждает их о грозящей им опасности. Они не могут допустить, чтобы однажды о них стало известно людям — прежде чем они будут готовы... Господи! Почему этот старый дурак Уилмарт из Мискатоникского университета не отвечал на мои телеграммы? Должен быть какой-то выход! Даже сейчас они пытаются до меня добраться — эти обитатели тьмы...

Но нет! Все это без толку. Нужно взять себя в руки и закончить свой рассказ. У меня не было времени попытаться рассказать правду властям, но даже если бы я мог, я знаю, ка-

ков был бы результат. «Похоже, у всех Уэнди-Смитов с мозгами не в порядке», – сказали бы они. Но эта рукопись повествует мою историю, став также предупреждением для других. Возможно, когда станет ясно, насколько мой... уход похож на то, что случилось с сэром Эмери, люди задумаются; возможно, эта рукопись поможет им найти и уничтожить древнее безумие Земли, прежде чем оно уничтожит их самих...

Через несколько дней после того, как рухнул коттедж на торфяниках, я поселился в доме на окраине Марске, чтобы быть рядом, если – хотя я на это почти не надеялся – вновь объявится мой дядя. Но сейчас меня удерживает здесь некая жуткая сила. Я не могу сбежать... Сначала их власть была не столь сильна, но теперь... Я больше не могу даже встать из-за стола, и я знаю, что конец мой близок. Я прикован к стулу, словно прирос к нему, и все, что я могу – печатать! Но я должен... должен... Земля содрогается все сильнее... Адское, проклятое, издевательское перо самописца отчаянно пляшет по бумаге...

Я пробыл здесь всего два дня, когда полиция доставила мне грязный, измазанный землей конверт. Его нашли в руинах коттеджа, возле края той странной дыры, и он был адресован мне. В нем лежали записки, которые я уже скопировал, и письмо от сэра Эмери, которое, судя по его ужасающему концу, он продолжал писать, когда его настиг кошмар. Если подумать, нет ничего удивительного в том, что конверт пережил катастрофу. Они не могли знать, что это такое, и по-

тому письмо их не интересовало. Ничто в коттедже не было повреждено специально – в смысле, ничто неодушевленное – и, насколько мне удалось выяснить, единственными пропавшими предметами оказались те странные шары, или то, что от них осталось... Но я должен спешить. Я не могу бежать, а толчки становятся все сильнее и чаще... Нет! У меня не остается времени. Времени, чтобы написать обо всем, о чем я хотел сказать... Толчки слишком сильные... Слишком сильные... Мешают печатать... Остаётся лишь одно прикрепить письмо с эра Эмерик этой рукописи... и...

Дорогой Пол!

На случай, если это письмо когда-либо доберется до тебя, должен кое о чем тебя попросить ради безопасности и здравомыслия всего мира. Крайне необходимо проанализировать случившееся и принять соответствующие меры – хотя я понятия не имею, каким образом. Я намеревался ценой собственного рассудка забыть о том, что случилось в Г'харне, и был неправ, пытаясь это скрыть. Даже сейчас люди раскапывают странные запретные места, и кто знает, что они могут откопать? Конечно, все эти кошмары нужно найти и искоренить, но заниматься этим должны не невежды-любители, а те, кто готов к встрече с чудовищным, вселенским ужасом. Люди с оружием. Возможно, огнеметы справились бы с задачей... И наверняка потребуются научные знания о войне... Можно создать устройства, способные выследить вра-

га... я имею в виду специальные сейсмологические приборы. Будь у меня время, я подготовил бы детальное и подробное досье, но, похоже, будущим охотникам за кошмарами придется ограничиться этим письмом. Понимаешь, я не уверен наверняка, что они меня преследуют! И я ничего не могу поделать. Слишком поздно! Сначала даже я сам, как и многие другие, считал, что я всего лишь слегка тронулся умом. Я отказывался признать, что виденное мной вообще происходило на самом деле! Признать это означало признаться в собственном безумии! Но все это было в реальности... Оно случилось – и случится снова!

Одному богу известно, что было не так с моим сейсмографом, но проклятая машина подвела меня самым худшим образом! Да, они в конце концов до меня доберутся, но, возможно, у меня хотя бы будет время подготовить надлежащее предупреждение... Прошу тебя, подумай, Пол... Подумай о том, что случилось в коттедже... Я пишу об этом так, словно оно уже произошло, поскольку знаю, что оно произойдет! Должно произойти! Это Шудде-Мьелл идет за своими шарами... Пол, вспомни о том, как я погиб, ибо, если ты это читаешь, я либо мертв, либо пропал без вести – что одно и то же. Прошу тебя, внимательно прочитай приложенные заметки. У меня нет времени на подробности, но эти мои старые записи должны хоть немного помочь... Если ты хотя бы наполовину столь любопытен, как я полагаю, ты наверняка вско-

ре поймешь, какой кошмар угрожает всему миру, и в кошмар этот миру придется поверить... Земля уже дрожит, но, зная, что это конец, я спокоен... Вряд ли мое спокойствие продлится долго... Думаю, когда они действительно придут за мной, мой разум окажется в полной их власти. Даже сейчас могу представить, как пол разлетается в щепки, взрываясь, и появляются они... Да что там – даже при мысли об этом меня охватывает ужас... Чудовищный запах, слизь, пение, гигантские змеиные кольца... а потом...

Не в силах бежать, я жду эту тварь... Я скован той же гипнотической силой, что и остальные тогда, в Г'харне. Какие кошмарные воспоминания! О том, как я просыпаюсь и вижу тела моих друзей и спутников, из которых высосали кровь похожие на червей твари-вампиры из выгребной ямы времени! Боги чуждых измерений... Меня гипнотизировала та же чудовищная сила, не давая пошевелиться, прийти на помощь друзьям или даже спастись самому! Каким-то чудом, когда из-за облаков вышла луна, гипноз разрушился, и я побежал, крича и плача, временно лишившись рассудка, слыша позади зловещие чавкающие звуки и демоническое пение Шудде-Мьелла и его орды.

Сам того не зная, я в бессознательном состоянии забрал с собой те чудовищные шары... Прошлой ночью они мне приснились, и во сне я снова увидел надписи на каменном ящике. Более того, я смог их прочитать! В них содержались все страхи и амбиции этих адских созданий, столь же четкие и

ясные, словно газетные заголовки! Не знаю, боги они или нет, но одно можно сказать наверняка: больше всего препятствует их планам по завоеванию Земли их ужасно долгий и сложный цикл воспроизводства! Каждую тысячу лет рождается лишь несколько детенышей, но, учитывая, как давно они существуют, приближается то время, когда их численность станет достаточной! Естественно, при этом они не могут позволить себе потерять даже одного представителя своего жуткого отродья. Вот почему они прорыли туннели на многие тысячи миль, даже под океанскими глубинами, чтобы вернуть себе шары! Меня всегда удивляло, почему они преследуют меня – и теперь я знаю. Я знаю также, каким образом они это делают. Ты не догадываешься, Пол, как они узнают, где я нахожусь, или почему они идут за мной? Эти шары для них – словно маяк, зовущий голос сирены. И точно так же, как любой другой родитель, – хотя, боюсь, ими движет чудовищный инстинкт, нежели понятные нам чувства – они просто отвечают на зов своих детенышей!

Но они опоздали! Несколько минут назад, перед тем, как я начал писать это письмо, детеныши вылупились... Кто мог предполагать, что это яйца, или что их вместилище – инкубатор? Вряд ли я могу винить себя в том, что не знал этого.

Я даже пытался просвечивать шары рентгеном, черт побери, но они просто отражали лучи! А скорлупа их была столь толстой! Но в момент вылупления они просто разлетелись на крошечные кусочки. Существа внутри них не больше грец-

кого ореха... Учитывая размер взрослых особей, они, вероятно, растут фантастически быстро. Но эти двое не вырастут уже никогда! Я испепелил их сигарой... И слышал бы ты мысленные вопли тех, внизу!

Если бы я только знал раньше, что это не безумие, возможно, кошмара удалось бы избежать... Но теперь все бесполезно... Мои заметки – прочти их, Пол, и сделай то, что следовало сделать мне. Собери подробное досье и представь его властям. Возможно, сумеет помочь Уилмарт или Спенсер из Квебекского университета... У меня мало времени... Потолок трескается...

Последний толчок... потолок разваливается на части... они идут. Господи, помоги мне, они идут... Я чувствую, как они шарят у меня в голове...

Сэр,

Прилагаю рукопись, найденную в руинах дома номер 17 по Энвик-стрит, Марске, Йоркшир, разрушенного вследствие подземных толчков в сентябре этого года, и считающуюся «фантастикой», которую автор, Пол Уэнди-Смит, завершил для публикации. Вполне возможно, что так называемое *исчезновение* как сэра Эмери Уэнди-Смита, так и его племянника, автора рукописи – не более чем рекламный ход для продвижения рассказа... Общеизвестно, что сэр Эмери интересуется (интересовался) сейсмографией, и, возможно, некий намек на случившиеся ранее два землетрясения вдохновил его племянника на написание

рассказа. Расследование продолжается...

Сержант Дж. Уильямс,

Полицейское управление графства Йоркшир,

2 октября 1933 года

Дом Ктулху⁹

Этот рассказ написан в ноябре 1971 года и должен был выйти в журнале под названием «Бульварное чтение» (именно так), который, насколько мне известно, вскоре прекратил существование – довольно-таки типичная ситуация! Однако затем Кирби Маккоули продал его в только что появившийся журнал «Шорохи» Стюарта Шиффа. По сути, это был первый рассказ в самом первом номере за июль 1973 года. После этого он перепечатывался и переводился чаще всех остальных моих произведений: в «Лучших рассказах ужасов года» издательства «ДОУ», в первом сборнике «Книга ужасов» издательства «Орбит», в антологии «Шорохи» издательства «Даблдэй», в сборнике «Шорохи» издательства «Джоув», в «Лучшей фэнтези» Джоша Паркера, и так далее, пока в 1984 году У. Пол Гэнли не использовал его (и его название) в моем томе «Дом Ктулху и другие рассказы изначальной земли», вышедшем в издательстве «Уэйрбук Пресс» как в твердой, так и в мягкой обложке. Но на этом дело не закончилось – в 1991 году британское издательство «Хедлайн» выпустило эту книгу в мягкой обложке, а совсем недавно (в 2005-м) «ТОР Букс» в США издало прекрасный томик в твердом переплете, с потрясающей иллюстраци-

---

⁹ “The House of Cthulhu”, from Whispers No. 1, 1973. Плешков К. П., перевод на русский язык, © 2018.

ей на суперобложке, сделанной моим хорошим другом Бобом Эгглтоном. В конечном счете, весьма долгая и весьма удачная судьба для этого короткого рассказа о Мифе.

Где вздымаются странные бастионы,
Словно стражи, тени которых нависли
Над могилой адской твари, неподвластной смерти,
И где бояться ступить и боги, и смертные,
Где закрыты врата к запретным сферам
И временам, но чудовищные ужасы
Ждут терпеливо, когда придет время
Пробудиться тому, кто не умер...

«Арльех» – фрагмент из «Легенд древних рун» Тех Атхта, из рукописей Тим'хдры в переводе Тельреда Густау

Случилось однажды, что Зар-тул Завоеватель, известный под прозвищем Разбойник из Разбойников, Искатель сокровищ и Грабитель городов, отправился во главе своих кораблей на восток. Лишь недавно подул удачный ветер, и измученные гребцы склонялись над веслами, пока сонные рулевые следили за курсом. И Зар-тул заметил вдали остров Арльех и поднимавшиеся над ним высокие башни из черного камня, замысловатые очертания которых не поддавались человеческому пониманию. Остров заливали красные лучи заходящего солнца, которое исчезало за внушающими ужас черными контурами шпилей, возведенных руками, которые не могли быть человеческими.

Несмотря на то что Зар-тул страшно проголодался и безмерно устал, постоянно вглядываясь в просторы океана, который простирался за свисающим хвостом дракона, венчавшего корму его корабля, «Красный огонь», он лишь взглянул на черный остров покрасневшими от усталости глазами и удержал своих людей, приказав им бросить якорь в открытом море и ждать, пока окончательно не зайдет солнце, погружившись в Царство Хтона, который молчаливо дожидается, чтобы поймать его в свои сети. На самом деле лучшим временем для Зар-тула и его людей была ночь, ибо тогда Глит, слепой Бог Луны, не мог ни заметить их, ни услышать жутких криков, которыми всегда сопровождалась их омерзительные деяния.

Несмотря на свою неопишемую словами жестокость, Зар-тул не был дураком. Он знал, что его волкам нужно отдохнуть перед сражением, ибо, если сокровища Дома Ктулху были действительно столь велики, как он полагал, их наверняка надежно стерегли воины, которые не собирались легко с ними расстаться. А люди его устали, как и он сам, и потому он велел им лечь на палубе, а сам завернулся в большой парус с изображением дракона и выставил вахтенных, которые должны были разбудить его посреди ночи, после чего он сам разбудит всех на своих двадцати кораблях и отправится грабить остров Арльех.

Матросам Зар-тула пришлось долго грести, прежде чем подул подходящий ветер, и прошло немало времени с тех

пор, как они разграбили Яхт-Хаал, Серебристый город, лежавший на краю ледяной страны. Запасы провизии подходили к концу, а мечи давно лежали в заржавевших ножнах; теперь же, доев последний рацион и выпив все спиртное, они почистили и наточили свои мечи, после чего доверились заботе Шуш, Богини Спокойных Снов, хорошо зная, что вскоре предадутся грабежу, захватывая добычу для себя и своего предводителя.

А Зар-тул обещал им в Доме Ктулху огромные сокровища, поскольку в том разграбленном городе на краю ледяной страны он узнал от перепуганно бормочущего Вот Вема имя так называемого запретного острова. Под самый конец ужасных пыток Вот Вем выдал имя своего брата, жреца Хата Вема, одного из стражей Дома Ктулху на острове Арльех. Перед смертью Вот Вем успел крикнуть, что Арльех – действительно запретный остров, которым владеет ныне спящий мрачный и ужасный бог по имени Ктулху, а ворота его дома охраняет его брат-жрец.

Зар-тул тогда подумал, что на острове Арльех, видимо, и в самом деле хранятся несметные богатства, поскольку знал, что вряд ли братья-жрецы могли предать друг друга. Вот Вем говорил о мрачном и ужасном боге Ктулху с огромным страхом, надеясь, что таким образом отобьет у Зар-тула желание грабить святилище, которое охранял его брат, Хат Вем. Так считал Зар-тул, размышляя над словами мертвого и изуродованного жреца, пока не покинул разграбленный город. В

конце концов, в свете яркого пламени пожаров Зар-тул вышел в море и на нагруженных добычей кораблях отправился на поиски Арльеха и сокровищ Дома Ктулху. Так он оказался здесь.

* * *

Незадолго перед полуночью ночная вахта вырвала Зар-тула и всех его людей из объятий Шуш; видя, что ветер ослаб, они тихо погребли в сторону берега, в свете прыщавого Гли-та, слепого Бога Луны. Когда они оказались в десяти морских саженях от берега, Зар-тул издал боевой клич, а его барабанщики начали громко и размеренно бить в барабаны, как это бывало всегда, когда испытанные в боях и жаждавшие добычи разбойники отправлялись на дело.

Когда послышался шорох дна корабля о песок, Зар-тул выскочил на мелководье, а вместе с ним его капитаны и остальные члены команды. Вскоре они были уже на берегу и, размахивая мечами, быстро зашагали по погруженному в ночную темноту пляжу... Но вокруг царила ничем не нарушаемая тишина, и, судя по всему, никто не стоял на страже.

Только теперь Грабитель городов обратил внимание на этот пугающий факт. На темном мокром песке виднелись нагромождения из поваленных каменных блоков, покрытых принесенными бесчисленными приливами водорослями. Руины эти вызывали дурные предчувствия, и отнюдь не

только своей древностью – среди руин прятались большие крабы, глядя рубиновыми глазами навывкате на пришельцев; даже волны странно тихо ударялись о пляж, заваленный обломками разрушенных, но, казалось, до сих пор обитаемых башен. Барабанщики стучали все тише, пока наконец не наступила полная тишина.

Многие среди разбойников почитали редких богов и следовали странным суевериям. Зар-тул знал об этом, и тишина ему вовсе не нравилась. Она могла стать предвестником бунта!

– Ха! – сказал Зар-тул, который не чтил никаких богов или демонов, и не вслушивался в шепот ночи. – Наверное, стражники узнали о нашем появлении и сбежали на другой конец острова, а может, собрались в Доме Ктулху.

С этими словами он выстроил своих людей в ряд и двинулся в глубь острова. По пути, шагая по погруженным в тишину улицам, они миновали руины, которые еще не забрал океан. От фантастических фасадов домов отражалось странно монотонное эхо барабанов.

С пустых, странно накренившихся башен и высоких шпилей на них, казалось, смотрели иссохшие лица, и орды упырей словно прятались в тени, постоянно сопровождая идущих, пока, в конце концов, некоторые из разбойников не испугались и начали просить своего предводителя:

– Господин, позволь нам уйти, ибо похоже, что тут нет никаких сокровищ, а само это место не похоже ни на какие

другие. Здесь чувствуется запах смерти и тех, что блуждают в стране теней.

Но Зар-тул набросился на одного из тех, кто стоял ближе всего, крича:

– Ах ты трус! Умри же!

И, подняв меч, он разрубил надвое дрожащего от страха несчастного, который успел лишь вскрикнуть, прежде чем его труп рухнул на черную землю. Однако теперь Зар-тул понял, что многие из его людей охвачены страхом, и приказал зажечь факелы, после чего все быстро двинулись в глубь острова.

Миновав невысокие, погруженные во мрак холмы, они приблизились к большому скоплению украшенных странной резьбой монолитных зданий, накренившихся под необычным углом; их окружал запах, похожий на тот, что обычно доносится из глубоких, очень глубоких ям. Среди этих каменных сооружений возвышалась самая большая башня – огромный, лишенный окон менгир, верхушка которого скрывалась во тьме, а видневшиеся у его основания пьедесталы напоминали формой чудовищных морских тварей.

– Ха! – сказал Зар-тул. – Похоже, это тот самый Дом Ктулху. Смотрите-ка – все стражники и жрецы сбежали, увидев нас!

Но из тени у основания одного из пьедесталов послышался дрожащий старческий голос:

– Никто не сбежал, грабитель, ибо никого здесь нет, кроме

меня, а я не могу убежать, поскольку охраняю врата от тех, кто может произнести Слова.

Услышав этот голос, разбойники вздрогнули и беспокойно огляделись по сторонам, но один отважный капитан шагнул вперед и выволок из темноты древнего старца. И, увидев облик этого чародея, все тут же попятились. Его лицо, руки и все тело покрывал густой, похожий на шерсть, серый мох, который, казалось, ползал по нему, пока он стоял перед ними, дрожа и сгибаясь под тяжестью невыносимо дряхлого возраста.

– Кто ты? – спросил Зар-тул, потрясенный видом его старческой немощи.

– Я Хат Вем, брат Вота Вема, который служит богам в святилищах Яхт-Хаала, я Хат Вем, Страж врат Дома Ктулху, и предупреждаю вас: ко мне нельзя прикасаться, – он посмотрел слезящимися глазами на державшего его капитана, который, помедлив, отпустил его.

– А я Зар-Тул Завоеватель, – уже спокойнее ответил Зар-тул. – Разбойник из Разбойников, Искатель сокровищ и Грабитель городов. Я разграбил Яхт-Хаал. Да, я разграбил Серебряный город и сжег его и замучил Вота Вема до смерти. А когда он умирал, когда горящие угли сжигали его внутренности, он выкрикнул одно имя. Твое имя! Он действительно был твоим братом, поскольку предостерег, чтобы я опасался ужасного бога Ктулху и его «запретного» острова Арльех. Но я знал, что он лжет, всего лишь пытаюсь защитить огромное

священное сокровище и брата, который его охраняет, наверняка с помощью странных рун, которые должны отпугнуть суеверных грабителей! Но Зар-тул не трус и вовсе не легковерен, старик. Вот он я, стою перед тобой и говорю тебе, что в течение часа найду путь к тому дому, полному сокровищ!

Слыша, как их предводитель обращается к старому жрецу острова, и видя немощь старика и его отвратительное уродство, люди Зар-тула приободрились. Некоторые из них начали обходить накренившуюся башню, пока наконец не нашли двери – большие, высокие и хорошо заметные, но временами они выглядели нечеткими и удаленными, будто их скрывал туман. Двери находились в стене Дома Ктулху, но казалось, будто они наклоняются в одну сторону... а в следующее мгновение в другую! На дверях были высечены зловещие нечеловеческие лица и какие-то страшные, неизвестные иероглифы, словно извивавшиеся вокруг лиц, которые, казалось, шевелились и гримасничали в мерцающем свете факелов.

Старый Хат Вем подошел к разбойникам, удивленно разглядывавшим большие двери, и сказал:

– Это врата Дома Ктулху, а я его страж.

– В таком случае, – спросил стоявший поблизости Зар-тул, – есть ли у тебя ключ от этих врат? Я не знаю, как попасть внутрь.

– Да, ключ есть, но не такой, какой ты наверняка себе представляешь. Это ключ не из металла, но из слов...

– Колдовство? – невозмутимо спросил Зар-тул. Когда-то он уже слышал о подобного рода колдовстве. Он приставил острие меча к горлу старика, глядя, как поднимаются пушистые волоски на его лице и худой шее. – Тогда говори эти слова, и покончим с этим!

– Нет, я не могу произнести Слова. Я поклялся, что буду охранять эти врата и что Слова не произнесу ни я сам, ни кто-либо другой, кто мог бы по собственной глупости или безрассудству открыть Дом Ктулху. Можешь меня убить – даже этим мечом, который у моего горла, – но я не произнесу Слова...

– А я тебе говорю, что, в конце концов, произнесешь! – заявил Зар-тул ледяным, словно северная буря, голосом, после чего опустил меч и приказал двоим своим людям привязать старика к крепко вбитым в землю кольям. Они выполнили его приказ, и вскоре старик лежал распростертый на земле возле больших дверей Дома Ктулху.

Затем они разожгли костер из высушенных веток и выброшенного на берег дерева; другие люди Зар-тула поймали несколько больших ночных птиц, не умевших летать, а третьи нашли источник с солоноватой водой и наполнили ею кожаные бурдюки. Вскоре безвкусное мясо уже жарилось на вертеле над огнем, а помещенные в тот же огонь острия мечей сначала раскалились докрасна, а потом побелели. Когда Зар-тул и его люди наелись досыта, Разбойник из Разбойников дал знак своим палачам взяться за дело. Когда-то он сам

их обучал, так что теперь они отлично владели искусством применения клещей и раскаленного железа.

Но в этот момент произошло нечто неожиданное. Один из капитанов, по имени Куш-хад, тот самый, который первым заметил старого жреца в тени большого пьедестала и выволок его оттуда, со странным выражением лица смотрел на свои руки в свете костра и нервно тер их о край куртки. Внезапно он выругался, отскочил в сторону от остатков трапезы и начал в ужасе приплясывать, резко ударяя руками о лежащие вокруг поваленные камни.

Затем он вдруг замер и бросил короткий взгляд на свои обнаженные предплечья. В тот же миг он вытаращил глаза и дико заорал, словно его пронзили мечом, после чего бросился к костру и сунул руки по локоть в самую середину огня. Вскоре он выдернул руки из пламени, пошатываясь и со стоном призывая на помощь своих богов, а потом неверным шагом ушел в ночь, оставляя на земле кровавые следы.

Удивленный Зар-тул послал за ним одного из своих людей с факелом, но тот вскоре вернулся, побледнев, и сообщил, что безумец упал или прыгнул в глубокую расселину в скале. Но прежде чем это произошло, на лице его можно было разглядеть ползающий серый мох, а падая навстречу неминуемой смерти, он кричал: «Нечистый... нечистый... нечистый!»

Услышав это, все вспомнили предостережение старого жреца, когда Куш-хад вытаскивал его из укрытия, и то, как

тот посмотрел на несчастного капитана, после чего перевели взгляд на распростертого на земле старика. Двое разбойников, которые его связывали, посмотрели друг на друга, вытаращив глаза, и, заметно побледнев, начали исподволь приглядываться к своим телам...

Зар-тул почувствовал, что разбойников охватывает страх, подобно могучему порыву восточного ветра над пустыней Шеб. Сплюнув, он поднял меч и крикнул:

– Эй, вы! Все вы трусы и верите в предрассудки, всякую чушь, которую рассказывают вам жены, и прочий бред. Чего тут бояться? Одного старика на одиноком черном острове посреди моря?

– Но я видел лицо Куш-хада... – начал тот, кто побежал за обезумевшим капитаном.

– Тебе лишь показалось, будто ты что-то видел, – прервал его Зар-тул. – Всего лишь мерцание твоего факела, и ничего больше. Куш-хад был сумасшедшим!

– Но...

– Куш-хад был сумасшедшим! – повторил Зар-тул, голос которого теперь стал ледяным. – Ты что, тоже тронулся умом? И для тебя тоже есть место на дне той расселины?

Но тот уже молча попятился, а Зар-тул позвал палачей и приказал им взяться за работу.

Шли часы...

Глит, старый Бог Луны, наверняка был слеп и глух, но, возможно, каким-то образом почувствовал душераздирающие вопли и запах горелой человеческой плоти, поднимавшийся над Арльехом, поскольку в ту ночь очень быстро скрылся за горизонтом.

Сейчас, однако, у искалеченного и наполовину обуглившегося человека, распростертого на земле перед дверями Дома Ктулху, уже не было сил кричать, а Зар-тул в отчаянии понял, что вскоре жрец испустит дух. Но, несмотря на это, Слова так и не были произнесены. Короля разбойников удивили упрямые заверения старика, что за дверями высокого менгира не схоронены никакие сокровища, но он приписывал их действию клятвы, которую Хат Вем наверняка принес, прежде чем стать жрецом.

Палачи не слишком хорошо справлялись со своей работой. Им вовсе не хотелось дотрагиваться до старика, и они лишь кололи его раскаленными остриями мечей; даже под страхом смерти они не отважились бы прикоснуться к его телу голыми руками или приблизиться к нему больше, чем требовалось. Двое разбойников, связывавших старика, лежали мертвые, убитые своими товарищами, которым они машинально протянули руку; тех же, в свою очередь, остальные

избегали как огня, держась как можно дальше.

Когда на востоке забрезжил серый рассвет, Зар-тул потерял остатки терпения и с нескрываемой яростью метнулся к умирающему жрецу. Вытащив меч, он поднял его над головой... и тут Хат Вем заговорил.

– Подожди! – хрипло прошептал он. – Подожди. Я произнесу Слова.

– Что? – крикнул Зар-тул, опуская меч. – Ты откроешь двери?

– Да, – слышался слабый шепот, – я открою врата. Но сначала скажи: ты действительно разграбил Яхт-Хаал, Серебряный город? Ты действительно сжег его и замучил до смерти моего брата?

– Да, я это сделал, – холодно согласился Зар-тул.

– Тогда подойди ближе, – голос Хата Вема слабел с каждым мгновением. – Ближе, король разбойников, так, чтобы хорошо меня слышать в последний час моей жизни.

Искатель Сокровищ нетерпеливо приставил ухо к губам старика, присев рядом с ним, а Хат Вем приподнял голову и плюнул на Зар-тула!

Прежде чем Грабитель городов успел пошевелиться или стереть со лба слюну старика, Хат Вем произнес Слова. Он произнес их громко и отчетливо, с чуждой интонацией, только настоящий мастер сумел бы так повторить. И со стороны дверей Дома Ктулху тотчас же слышался громкий рокот.

Забыв на мгновение о нанесенном жрецом оскорблении,

Зар-тул обернулся и увидел, как большие, покрытые зловещей резьбой двери задрожали, а затем отошли в стороны, и на их месте появилось большое черное отверстие. В свете зари орда разбойников бросилась вперед, чтобы собственными глазами увидеть скрывавшиеся в глубине сокровища. Зар-тул уже собирался войти в Дом Ктулху, когда умирающий жрец крикнул:

– Подожди! Есть еще слова, король разбойников!

– Еще слова? – Зар-тул обернулся, нахмурившись. Старый жрец, из которого быстро уходила жизнь, оскалился в странной усмешке при виде черных пятен, расплзавшихся по лбу варвара.

– Да, еще слова. Послушай: давным-давно, когда мир был еще очень молод, до того как Арльех и Дом Ктулху впервые погрузились в море, мудрые Старшие Боги сотворили руну, с помощью силы которой, если Дом Ктулху когда-нибудь всплывет на поверхность и какой-нибудь глупец осмелится его открыть, он может вновь затонуть вместе со всем островом. И сейчас я произнесу именно эти слова!

Король разбойников быстро подскочил к нему, подняв меч, но прежде чем клинок опустился, Хат Вем громко произнес эти странные и страшные слова. И весь остров затрясся до основания. Охваченный неописуемым гневом, Зар-тул ударил мечом, отрубив старику голову, которая покатилась по черной земле; она все еще катилась, когда остров содрогнулся снова, послышался глухой грохот, и земля начала трес-

каться.

А со стороны открытых дверей Дома Ктулху, к которым бросилась толпа жадных до богатств грабителей, раздались громкие крики ужаса и боли, а затем донесся отвратительный смрад. Теперь Зар-тул понял, что никаких сокровищ там нет.

Над островом начали быстро собираться черные тучи, и сверкнула ослепительная молния; ветер усилился настолько, что длинные черные волосы заслонили взгляд Зар-тула, когда он в ужасе скорчился перед открытыми дверями Дома Ктулху. Он широко раскрыл глаза, пытаясь взглянуть в смрадную черноту, но мгновение спустя выронил меч и громко вскрикнул; сам Разбойник из Разбойников вскрикнул от невообразимого страха!

Ибо в темном отверстии дверей появились двое его людей, напоминавших теперь скорее перепуганных щенков, чем грозных когда-то волков; крича и что-то бессвязно бормоча, они отчаянно пытались выбраться наружу... но тут же исчезли, схваченные и мгновенно раздавленные гигантскими щупальцами, которые, извиваясь, высунулись из черной бездны! Щупальца втянули тела несчастных в черную дыру, откуда вскоре слышались тошнотворные хлюпающие звуки; затем извивающиеся щупальца снова появились из мрака, а за ними показалось — лицо!

Зар-тул взглянул на огромную, опухшую морду Ктулху и снова вскрикнул, когда взгляд ужасающих глаз упал на его

скорченную фигуру и они вспыхнули жутким огнем!

Король разбойников на мгновение окаменел от страха, но времени этого было достаточно, чтобы образ чудовища на пороге открытых дверей навсегда врезался в его память. Однако он все же нашел в себе силы повернуться и убежать. Мчась вслепую через черные холмы, он выскочил на берег и каким-то образом сумел добраться до корабля. Хотя он был один и все еще дрожал от ужаса, ему удалось оттолкнуться от берега. Перед его мысленным взором продолжал стоять жуткий образ Ктулху.

Из зеленоватой мясистой головы вырастали щупальца, словно смертоносные лепестки, окружающие чашечку чудовищной орхидеи; покрытое чешуей огромное бесформенное тело на коротких ногах с мощными когтями; длинные узкие крылья, совершенно нелепые, ибо казалось невозможным, чтобы какие-либо крылья могли поднять столь огромную тушу; и еще глаза! Никогда прежде Зар-тул не видел подобных глаз, излучавших столь сильное, почти осязаемое зло, как глаза Ктулху!

Но Ктулху еще не покончил с Зар-тулом, поскольку, когда король разбойников сражался как безумный с парусами своего корабля, чудовище преодолело невысокие холмы и добралось до самого берега. Увидев на фоне рассветного неба гору, которая на самом деле была стоявшим на берегу чудовищем, Зар-тул обезумел от страха. Он метался от борта к борту, бормоча какие-то жалобные молитвы, и едва не

свалился в море. Да, даже Зар-тул, с губ которого никогда прежде не срывалось никаких молитв, молился теперь неким добродетельным богам. И, похоже, боги эти, если они вообще существовали, его слышали.

С ревом и грохотом последовало последнее сотрясение земли, которое спасло ему жизнь, поскольку остров раскололся надвое; огромный Арльех распался на куски и затонул. С пронзительным воплем ярости и отчаяния, который Зар-тул слышал не только ушами, но и разумом, Ктулху вместе со всем островом и своим домом погрузился в пенящиеся волны океана.

Разразилась буря, столь страшная, что могла бы сопровождать конец света. Вокруг завывал ветер, и огромные как горы волны перекатывались через палубу корабля Зар-тула; два дня его швыряло по палубе серьезно поврежденного «Красного огня», прежде чем могучий шторм наконец стих.

В конце концов истощенного бывшего Разбойника из Разбойников нашли в море неподалеку от побережья Тим'хдры; затем его доставили в трюме корабля богатого купца в город Клюн, столицу Тим'хдры, и высадили там на набережной.

Его столкнули на берег длинными веслами, спотыкающегося, ослабевшего и вопящего от страха, ибо он смотрел в глаза Ктулху! Веслами воспользовались из-за его внешности, поскольку теперь Зар-тул в самом деле превратился в нечто такое, за что в менее терпимых частях этой древней страны могли бы сжечь живьем. Но жители Клюна были людьми ми-

ролюбивыми; его не сожгли, лишь опустили в корзине в глубокую яму, освещенную факелами, и кормили хлебом и водой, давая спокойно дожить до конца своих дней. А когда он немного поправился, к нему пришли ученые и врачи, чтобы поговорить о его странной болезни, вид которой вызывал у них немалую тревогу.

Я, Тех Атхт, был среди них, и таким образом узнал его историю. И я знаю, что она правдива, ибо в течение многих лет часто слышал об отвратительном Ктулху, который явился со звезд, когда мир еще пребывал в младенческом состоянии. Есть многие легенды, и по одной из них, когда придет время и звезды займут соответствующее положение, Ктулху снова появится из своего дома на Арльехе, а мир содрогнется при звуке его шагов и погрузится в безумие.

Я записал этот рассказ для тех, кто еще не родился, как предупреждение: оставьте это существо в покое, ибо тот, кто спит глубоким сном, вовсе не мертв, и, возможно, когда-нибудь подводные течения навсегда сотрут с затопленного Арльеха метку иного мира – свидетельство присутствия Ктулху, отвратительный сородич которого жил в жреце по имени Хат Вем и перенесся на нескольких людей Зар-тула. Но сам Ктулху все еще жив и ждет тех, кто его освободит. Я знаю, что это так. В снах... я сам слышу его зов!

А когда ночью приходят подобные сны, отравляя сладкие объятия Шуш, я с дрожью просыпаюсь и хожу по хрустальным полам моих комнат над заливом Ключ, пока Хтон не

освободит солнце из сетей, чтобы оно снова могло взойти. Я до сих пор вижу Зар-тула таким, каким видел его в последний раз в его подземной темнице, в мерцающем свете факелов – колышущееся грибообразное существо, которое двигалось не по собственной воле, но управляемое поселившимся в его теле паразитом...

Ночь, когда затонула «Русалка»¹⁰

Пока я служил сержантом-вербовщиком в Лестере, я написал несколько рассказов, в том числе «Русалку», которую закончил в середине декабря 1969 года. Дерлету рассказ понравился, и он счел его подходящим для включения в сборник «Призывающий Тьму». Как и некоторые другие мои рассказы, «Русалка» в немалой степени намекает на мое увлечение морем и, естественно, Мифом Ктулху.

Дж. Х. Гриру (директору)

Грир & Андерсон,

«Сигассо»,

Сандерленд,

Гр. Дарем

Гостиница «Королева Миров»,

Клиффсайд,

Бридлингтон,

Йоркшир,

29 ноября

Дорогой Джонни!

Полагаю, к этому времени ты уже прочтешь мой «официальный» отчет, отправленный тебе с этого адреса четырна-

---

¹⁰ “The Night Sea-Maid Went Down”, from The Caller of The Black, Arkham House, 1971. Плешков К. П., перевод на русский язык, © 2018.

дцатого числа, через три дня после того, как затонула старая «Русалка». Сам не знаю, как я сумел составить этот отчет. Но, так или иначе, я с тех пор неважно себя чувствую, так что, если ты беспокоился за меня или из-за того, что я ничего не сообщал о своем местонахождении, что ж, это не моя вина. Я просто не способен был что-либо писать после случившейся катастрофы. Собственно говоря, не был способен почти ни на что. Но, как ты поймешь из моего отчета, я решил уйти, и, полагаю, это единственное, чем я могу обосновать свое решение. Все-таки ты платил мне хорошие деньги последние четыре года, и жаловаться мне не на что. Собственно, мне вообще не на что жаловаться – по крайней мере, в отношении «Сигассо», – но я ни за что больше не спущусь в подводную впадину. Собственно, будущего у меня все равно уже нет – хоть на море, хоть на суше... И вообще, когда я думаю о том, что могло случиться со мной за последние четыре года...

И теперь оно действительно случилось!

Но я снова отвлекаюсь. Должен признаться, что я порвал три варианта этого письма, думая о том, какое впечатление оно произведет на тебя; но сейчас, после того как я все обдумал, меня, честно говоря, не волнует, как ты поступишь. Если хочешь, можешь послать за мной банду охотников за головами. Однако в одном я уверен – что бы я ни сказал, ты не прекратишь операции в Северном море – «экономика страны», и все такое.

По крайней мере, старик Андерсон сможет посмеяться над моей историей. Ему никогда не хватало воображения, а история и без того достаточно фантастична. Может показаться, что в ту ночь я был «под мухой» (я и в самом деле немного выпил), но как ты хорошо знаешь, я могу и вообще не пить. В любом случае, факты в том виде, как я их знаю, остаются попросту фантастическими, сколь бы пьян или трезв тогда я ни был.

Ты наверняка помнишь, что в окрестностях Хантерби-Хед с самого начала творилось нечто странное. Проблемы были у водолазов, у геологов тоже, да и провести «Русалку» из Сандерленда и бросить там якорь оказалось чертовски сложным делом. Но, тем не менее, к концу сентября все предварительные работы были завершены. Именно тогда и начались настоящие неприятности.

Мы углубились в морское дно не более чем на шестьсот футов, когда нам попался первый звездообразный предмет. Знаешь, Джонни, я бы не поверил собственным глазам, если бы не видел такой же уже раньше. Старый Чокки Грей, работавший на платформе «Океанская жемчужина» от «Лескойла», из Ливерпуля, прислал мне его всего за несколько недель до того, как его буровая установка и вся ее команда, включая самого Чокки, затонула в двенадцати милях от побережья Уитнерси. Когда я увидел точно такой же поднятый со дна артефакт в форме звезды, я сразу же вспомнил Чокки и увидел в этом событии неприятную параллель. Тот, что

он прислал мне, тоже был извлечен из породы на морском дне, понимаешь? А «Океанская жемчужина» не единственная нефтяная платформа, погибшая в прошлом году во время так называемых «блуждающих штормов»!

Но, так или иначе, что касается этих звездообразных камней, могу сказать нечто большее: я был не единственным, кто остался жив в ту ночь, когда затонула «Русалка». Вернее, не совсем так: я был единственным, кто выжил в ту ночь, но среди нашей команды был один, который понял, что может произойти, и сбежал до того, как это случилось – и причиной тому стали главным образом именно звездообразные камни!

Джо Боршовский был чертовски суеверен и легко впадал в панику, его охватывал страх при виде тумана в море. А когда он увидел эту «звезду»...

Все случилось так.

Мы просверлили первую тяжелую скважину в очень твердой породе на глубину примерно в шестьсот футов, когда в образце породы обнаружилась первая звезда. Чокки в свое время предположил, что та, которую он мне прислал – некая древняя окаменевшая морская звезда с тех времен, когда Северное море было теплым. И должен признаться, что, увидев ее форму и размеры, я решил, что он прав. Так или иначе, когда я показал поднятую «Русалкой» звезду Боршовскому, он едва не сошел с ума. Он клялся, что нам грозит опасность, и требовал, чтобы мы немедленно прекратили бурение и шли к берегу. Он настаивал, что место, где мы находимся, «про-

клято», и вел себя словно безумец, даже не пытаясь предложить какое-либо реальное объяснение.

Конечно, я не мог этого просто так оставить. Если один из наших парней тронулся умом, он мог подвергнуть риску и всю нашу работу, особенно если припадок безумия случится с ним в неподходящий момент. Первой моей реакцией было списать его с платформы, но у нас были проблемы с радиосвязью, и я не мог вызвать Уэса Этли, пилота вертолета. Да, я всерьез подумывал о том, чтобы поляка забрали на вертолете. Как тебе хорошо известно, буровые рабочие порой бывают чертовски суеверны, и мне не хотелось, чтобы Джо «заразил» остальных. Но, как оказалось, подобные меры не потребовались, поскольку вскоре Боршовский подошел ко мне, извиняясь за свою вспышку и пытаясь дать понять, будто ему очень жаль, что все так получилось. Однако что-то подсказывало мне, что страхи его вполне обоснованны, что бы ни было их причиной. И потому, чтобы по возможности успокоить поляка, я решил попросить нашего геолога, Карсона, разобрать звезду на кусочки, внимательнее ее изучить и сообщить мне о том, что это такое на самом деле.

Конечно, если бы он сказал, что это просто окаменевшая морская звезда, я бы сообщил об этом Боршовскому, и на этом все бы закончилось. Но когда Карсон рассказал, что это вовсе не ископаемое и что он не знает точно, что это такое, я решил об этом не распространяться, велел Карсону поступить так же. Я был уверен, что какие бы проблемы ни были

у Боршовского с головой, ему ничем бы не помогло известие о том, что «звезда» вовсе не обычный, поддающийся разумному объяснению предмет.

В процессе бурения мы подняли с глубины примерно в тысячу футов еще две или три звезды, но больше они нам не попадались, так что на какое-то время я о них забыл. Как оказалось позднее, мне следовало больше слушать Джо – что бы я, скорее всего, и сделал, если бы прислушивался к собственной интуиции. Все дело в том, что и мне самому с самого начала было не по себе. Туман был слишком густым, море слишком спокойным, и вообще все казалось каким-то странным. Конечно, меня не коснулись все те испытания, через которые прошли водолазы и геологи – я появился на платформе лишь тогда, когда она была уже на месте, готовая вгрызться в морское дно. Но что-то явно было не так. По-настоящему же все началось с подводных датчиков, еще до появления этих звезд.

Нет, у меня вовсе нет претензий к твоим датчикам, Джонни, они превосходно работали с тех пор, как «Сигассо» их сконструировала, давая показания с точностью до дюйма, так что мы могли точно определить, уходит скважина в газ или нефть. И на этот раз они тоже не подвели – мы просто не поняли или не обратили внимания на их предупреждение, вот и все.

На самом деле предупреждений было множество, но, как я уже сказал, все началось с подводных датчиков. Мы поме-

стили по датчику внутри каждой из опор платформы, прямо на морском дне, где они слушали звук врывающегося в породу бура, воспринимая отраженное от нижних слоев эхо. И, конечно, все звуки, которые они улавливали, передавались на поверхность, после чего усиливались электронным образом и поступали в наш компьютер. Вот почему мы сначала решили, что либо компьютер глючит, либо один из датчиков отказал. Все дело в том, что даже когда мы не бурили, заменяя сверла, добавляя новые секции или выравнивая бур, мы продолжали получать данные с компьютера!

Да, явно наблюдалась некая проблема, но проявлялась она столь регулярно, что мы по глупости сочли ее механическим дефектом. На сейсмографе она возникала в виде периодических всплесков на совершенно нормальной во всем остальном линии, происходивших каждые пять секунд или около того – очень странно! Но, поскольку во всех прочих отношениях поступавшая с компьютера информация была точной, никого особо не беспокоили эти необъяснимые отклонения. И, как ты поймешь дальше, я до самого конца не мог найти им никаких объяснений. Да, эти всплески продолжались до самого конца, но тем временем возникли другие затруднения, одним из которых стала проблема с рыбой.

Если это кажется тебе забавным, что ж, в каком-то смысле все действительно началось с забавы. Парни соорудили небольшую платформу, висевшую футах в двадцати ниже главной палубы и примерно на такой же высоте над водой,

и в свободное время, когда они не отдыхали или пропускали пинту в кают-компании, обычно там можно было увидеть одного или двух рыбаков. Впервые мы обнаружили странности в поведении рыбы вокруг платформы в то утро, когда Ник Адамс выловил настоящую красавицу в три фута длиной, извивавшуюся в лучах холодного ноябрьского солнца. Ник уже почти вытащил рыбу, когда она сорвалась с крючка и упала среди перекосяков там, где легкие волны омывали четвертую опору. Ник полез за ней, обмотавшись веревкой, которую за другой конец держал его брат Дэйв. И что ты думаешь – когда он добрался до рыбы, та не захотела даваться ему в руки! Она даже пыталась его укусить, барахтаясь среди балок и щелкая челюстями. Так что ему пришлось крикнуть Дэйву, чтобы тот вытащил его наверх. Потом он рассказывал, что чертова тварь даже не пробовала вернуться в море, будто ей куда важнее было вонзить в него зубы, чем сохранить свою жизнь! Возможно, Джонни, подобной реакции и можно было ожидать от крупного угря, но уж никак не от североморской трески!

После этого Спелман, наш водолаз, не мог спуститься под воду – именно не мог, а не не хотел – рыбы просто его не пускали! Они пытались жевать его костюм, его воздушный шланг, настолько напугав его, что он стал для нас в буквальном смысле бесполезен. Впрочем, не могу его ни в чем винить, в особенности после того, что позднее случилось с Дэвисом.

Но, конечно, до случая с Дэвисом появилась новая проблема с Боршовским. На шестой неделе, когда мы со дня на день ожидали успеха, Джо не вернулся из увольнения на берег, прислав вместо этого длинное бессвязное письмо – якобы «объяснение», и, честно говоря, когда я его прочитал, я решил, что лучше нам обойтись без Джо.

Похоже, его рассудок уже давно оставлял желать лучшего. Он писал что-то о чудовищах (да, чудовищах!), спящих в больших пещерах под землей и, в особенности, под морями, которые ждут шанса завладеть миром на поверхности. Он утверждал, что каменные предметы в форме звезды – печати или барьеры, которые удерживают эти существа («богов», как он их называл) в плену, что эти боги могут в определенной степени управлять погодой, даже влиять на поведение низших существ – рыб, а иногда и людей – и что, по его мнению, один из них лежит под морским дном рядом с тем местом, где мы ведем буровые работы. Джо боялся, что мы «выпустим это существо на свободу»! Единственное, что удержало его от дальнейших разговоров на эту тему, когда речь зашла о первой «звезде», – это то, что все мы считаем его сумасшедшим, как он полагал! Однако, в конце концов, особенно после истории с рыбой, он все же вынужден был меня предупредить. Как он написал: «Если что-то случится, я никогда не смогу себе простить, что не пытался хоть что-то сделать».

Как я уже говорил, письмо Боршовского выглядело пута-

ным и бессвязным, но написано оно было достаточно убедительно, чего вряд ли можно было ожидать от настоящего сумасшедшего. Он приводил цитаты из Библии (в частности, Исход 20:4)¹¹, в очередной раз подчеркивая, что звездообразные предметы – не что иное, как доисторические пентакли (пентаграммы?), наложенные некоей великой расой внеземных ученых много миллионов лет тому назад. Он напомнил мне о необычных густых туманах и о странном поведении пойманной Ником Адамсом трески. Он даже снова поднял вопрос о сбоях подводных датчиков и компьютера, в итоге дав весьма тревожную оценку последних событий на «Русалке» в свете своих странных фантазий.

В тот же день я проверил кое-какие факты из биографии Джо и обнаружил, что в юности он совершал дальние путешествия, а также в свое время занимался кое-какими научными исследованиями. Кроме того, каждый раз, когда туман становился гуще обычного, он крестил левую сторону груди неким символом. Это видели многие, и все рассказывали одно и то же: одна точка наверху, две ниже по сторонам, две еще ниже и ближе друг к другу; да, его символом была пятиконечная звезда!

Письмо Боршовского настолько меня обеспокоило, что я продолжал думать о нем и вечером, когда мы закончили работу. Вот почему я оказался на главной палубе, собираясь

---

¹¹ «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли».

покурить трубку – сам знаешь, это помогает мне сосредоточиться. Прошло всего несколько минут после захода солнца, когда это случилось.

Дэвис, ремонтный рабочий, был наверху, затягивая несколько ослабших гаек на верхушке платформы. Не спрашивай меня, откуда пришел туман – не знаю, но он появился внезапно, поднявшись из моря, словно толстое серое одеяло, сократившее видимость до нескольких футов. Я уже собирался крикнуть Дэвису, что ему лучше было бы спуститься, когда услышал его крик и увидел мелькнувший в серой пелене свет его фонаря. Свет исчез в открытом люке, а секунду спустя за ним последовал сам Дэвис. Он упал прямо в люк, лишь чудом не задев его краев, а затем раздался плеск о воду – фонаря, а потом и человека. Еще через мгновение Дэвис уже барахтался внизу в тумане, вопя что есть мочи, из чего я и другие, прибежавшие на мой зов из кают-компании, сделали вывод, что он не особо пострадал. Мы сразу же спустили плот с двумя людьми, и ни у кого даже не возникло мысли, что Дэвиса не удастся вытащить. В конце концов, он превосходно умел плавать. Собственно, парням на плоту весь этот эпизод казался крайне забавным до тех пор, пока Дэвис не начал кричать.

Я никогда еще не слышал подобных криков, Джонни! Дэвис не тонул – он кричал вовсе не как утопающий! Но и вытащить его не удалось.

Туман рассеялся столь же быстро, как и опустился, и к

тому времени, когда плот коснулся воды, видимость была обычной для ноябрьского вечера. Но несчастного рабочего и след простыл. Зато вся морская гладь была серебристой от рыб – больших и маленьких, почти всех местных разновидностей, какие только можно себе представить; увидев, что они пытаются бросаться на плот, я вынужден был приказать парням поднять его обратно на платформу, поскольку стало ясно, что Дэвиса уже не спасти. Джонни, клянусь, я никогда больше не стану есть рыбу!

В ту ночь я почти не спал. Ты знаешь, что меня нельзя назвать бесчувственным человеком, но на океанской нефтяной платформе после тяжелого трудового дня, что бы за этот день ни случилось, обычно все же удается заснуть. Однако в ту ночь уснуть я не мог, продолжая размышлять над всем случившимся на «Русалке» – о проблемах с приборами, письме Боршовского, и наконец, естественно, о странной гибели Дэвиса, пока мне не показалось, что голова моя вот-вот разорвется от диких предположений и догадок.

На следующее утро прилетел вертолет (Уэс Этли жаловался, что ему пришлось совершить два полета за два дня), доставив нам выпивку и еду для предстоящей вечеринки. Как ты знаешь, мы всегда устраиваем празднество, когда нам попадает богатое месторождение. И на этот раз мы решили поступить так же. К тому времени мы уже несколько дней сидели без спиртного (из-за плохой погоды Уэс не доставлял нам ничего тяжелее почты), и у меня основательно пересох-

ло в горле. Ну, ты же меня знаешь, Джонни – я вернулся со всеми этими бутылками в кают-компанию и откупорил па-
рочку. При виде зловеще-серого моря за окном мысль о том,
чтобы напиться, показалась мне не такой уж и плохой.

Я накачивался уже почти час, когда позвонил из прибор-
ной Джеффрис, мой помощник, сообщив, что, по его мне-
нию, бур через несколько минут доберется до богатого пла-
ста. В голосе его, однако, чувствовалось явное беспокойство,
но когда я спросил, в чем дело, он не смог толком ниче-
го ответить, лишь пробормотал что-то насчет сейсмографа,
в показаниях которого снова появились странные всплески,
столь же регулярные, но более частые...

Примерно тогда же я впервые заметил поднимавшийся
над морем густой туман, окутывавший буровую установку и
превращавший людей на платформе в серые призраки. Он
также заглушал звук работающего оборудования, отчего ме-
таллический лязг и стук блоков и цепей казался далеким глу-
хим шумом, словно я находился под водой в водолазном ко-
стюме.

В задней комнате кают-компании было достаточно тепло,
но, глядя на платформу и вслушиваясь в призрачные зву-
ки, доносившиеся от укутанных туманом людей и машин, я
ощутил безотчетную дрожь.

Затем поднялся ветер – сначала туман, потом ветер. Но
я никогда еще не видел тумана, который хороший сильный
ветер не мог бы разогнать! Да, мне доводилось видеть блуж-

дающие штормы, Джонни, но, поверь мне, это был шторм из штормов! Он появился словно ниоткуда, не разорвав серую завесу, но гоняя ее вокруг, словно гигантский безумный призрак. Он швырял волны об опоры «Русалки», вздымая брызги до ограждения платформы и, судя по тому, что я видел из окна, вызывая всеобщий хаос. Я ошеломленно взирал на происходящее, когда раздался телефонный звонок. Сняв трубку, я услышал слегка искаженный торжествующий крик Джимми Джеффриса.

– Мы пробились, Понго! – кричал он. – Мы пробились, и нефть уже идет наверх! – Неожиданно голос его дрогнул, и возбуждение сменилось ужасом. Я почувствовал, как вся платформа пошатнулась на своих четырех огромных опорах. – Господи... что?.. – слышалось сквозь треск в трубке. – Что это, Понго? Платформа... погоди... – Я услышал стук брошенной трубки, но мгновение спустя вновь раздался голос Джимми: – Это не платформа – опоры прочно стоят на камнях – это все морское дно! Понго, что происходит? Господи!..

Телефон смолк, и платформа снова содрогнулась, подпрыгнув три или четыре раза, отчего сдвинулись со своих мест все незакрепленные предметы вокруг меня. Однако я продолжал держать трубку в руке, и через пару секунд она снова ожила. На другом конце линии что-то неразборчиво кричал Джимми. Помню, я крикнул ему, чтобы он надел спасательный жилет, что происходит что-то непонятное и нам

грозит опасность, но я так и не узнал, услышал ли он меня. Платформа снова покачнулась, швырнув меня на пол среди бутылок, ящиков, банок и пакетов, а потом, скользя по накренившемуся полу, я натолкнулся на спасательный жилет. Одному богу известно, что он делал в кладовой – обычно они хранились на складе оборудования, и их доставали лишь после штормового предупреждения (которого, естественно, мы не получали), но мне каким-то образом удалось в него влезть и выбраться в кают-компанию до очередного толчка.

К этому времени сквозь рев ветра и волн снаружи (верхушки волн уже хлестали по внешним стенам кают-компании) слышался свист свободно вращающихся блоков и пронзительный вой неуправляемых машин и крики...

Охваченный паникой, я пробивался через сваленные столы и стулья к ведущей на платформу двери, когда от нового, самого сильного толчка пол накренился градусов на тридцать, избавив меня от лишних усилий. Мгновение спустя, ударившись о дверь, распахнув ее и вывалившись в шторм, я понял, что «Русалка» тонет. Прежде это было лишь предположение, безумное и невероятное, но теперь я знал наверняка. Наполовину оглушенного от удара о дверь, меня грубо швырнуло на ограждение, и я уцепился за него, пытаюсь удержаться под ударами холодного, насыщенного водяными брызгами ветра.

А потом я увидел это.

Я увидел его – и, не веря собственным глазам, в одно

мгновение отпустил ограждение и соскользнул прямо в глотку чудовищного шторма, который с диким воем терзал содрогающийся каркас «Русалки».

Я не успел еще коснуться воды, когда гигантская волна ударила в борт буровой установки, сломав две опоры, словно спички, а в следующий миг я был уже в море, где меня подхватила и унесла прочь та же самая волна. Я пытался разглядеть в водовороте ветра, тумана и океана «Русалку», но тщетно. Сдавшись, я вложил все оставшиеся силы в борьбу за выживание.

Я мало что помню из того, что было после, по крайней мере, пока меня не подобрали, и даже это не слишком четко. Однако я помню, что, пока я сражался с ледяной водой, меня преследовал жуткий страх, что меня съедят рыбы. Но, насколько я понял, вокруг не оказалось ни одной. Я помню также, что, когда меня втаскивали в шлюпку, море вокруг было ровным, словно блин, и спокойным, словно мельничная запруда.

Окончательно придя в себя, я обнаружил, что лежу в чистой постели в больнице в Бридлингтоне.

Но тогда я воздержался от того, чтобы рассказать самое главное – по той же самой причине, что и Джо Боршовский. Мне не хотелось, чтобы меня сочли сумасшедшим. Что ж, я не сумасшедший, Джонни, но я ни на мгновение не сомневаюсь, что вряд ли ты воспримешь мой рассказ всерьез и что «Сигассо» вряд ли откажется от своей деятельности в Север-

ном море. Однако, по крайней мере, я буду знать, что пытался тебя предупредить.

А теперь вспомни, что говорил Боршовский об огромных неземных существах, спящих в плену под морским дном; о «богах», способных управлять поведением низших созданий, способных подчинять своей воле даже погоду, а потом попробуй объяснить, что я видел, прежде чем оказаться в безумном океане перед тем, как затонула «Русалка».

Это был всего лишь нефтяной фонтан, Джонни, но такой, какого я никогда прежде не видел за всю свою жизнь, и надеюсь, что никогда больше не увижу. Ибо, вместо того, чтобы устремиться к небу сплошной черной колонной, он пульсировал, изливаясь короткими сильными толчками с интервалом примерно в пять секунд – и это была не нефть, Джонни, господи, это была не нефть! Сколько бы я тогда ни выпил, клянусь, я не был пьян, по крайней мере, не настолько пьян, чтобы перестать различать цвета!

Как я уже говорил, старина Боршовский был прав, наверняка прав. Там, внизу, действительно обитало одно из огромных существ-богов, и наш бур вонзился прямо в него!

Чем бы оно ни было, кровь его почти не отличалась от нашей – такая же густая и красная, и сердце его было достаточно мощным, чтобы выбрасывать кровь из пробитой буром раны до самой поверхности!

Представь себе это чудовищное сердце, бьющееся среди камней в морских глубинах! Могли ли мы догадаться, что с

самого начала наши приборы работали максимально эффективно и что странные регулярные всплески, которые регистрировал сейсмограф – всего лишь биение гигантского подводного сердца?

Надеюсь, все это служит достаточным обоснованием моей отставки.

*Бернард «Понго» Джордан,
Бридлингтон,
Йоркшир*

Имя и число¹²

В традициях множества авторов рассказов о сверхъестественном, писавших до меня (сразу же приходят на ум Э. А. По, Сибири Куинн и Мэнли Уэйд Уэллман), я создал своего собственного «окультурного детектива» в образе Титуса Кроу. Впервые он появился в «Призывающем Тьму» (первый рассказ в данном томе), но ему было суждено пережить новые приключения во многих рассказах (не говоря уже о нескольких романах), которым еще предстояло появиться. «Имя и число» – один из них. Написанный в 1981 году, всего через месяц после моего ухода из армии (после двадцати двух лет службы), он впервые появился в отличном глянцевом англо-итальянском фэнзине Франческо Ковы «Када́т», в выпуске № 5 за июль 1982 года. Рассказ номинировался на Британскую премию фэнтези, которую не завоевал, а его самая последняя публикация состоялась в сборнике издательства «ТОР Букс» «Гарри Киф: Некроскоп, и другие странные герои». Но лучший, по моему мнению, рассказ о Титусе Кроу, «Повелитель червей», можно найти в парном томе к этой книге...

---

¹² “Name and Number”, from Kadath, Vol. 2 No. 1, July 1982. Плешков К. П., перевод на русский язык, © 2018.

I

Конечно, теперь от Блоун-хауса, просторного бунгало, в котором находил убежище мой дорогой друг и учитель Титус Кроу, разрушенного во время страшного шторма в ночь на 4 октября 1968 года, ничего не осталось, но...

Зная все то, что я знаю, или знал, о Титусе Кроу, возможно, я с легкостью мог бы списать катастрофические события той ночи попросту на мстительную атаку темных сил. И, хотя на самом деле так оно и было, меня не оставляют мысли о том, что события эти значили намного больше, чем могло бы показаться на первый взгляд.

По-видимому, некие силы были спровоцированы нашим с Кроу участием в деятельности Фонда Уилмарта – обширной, величественной и удивительно тайной организации, посвятившей себя обнаружению и уничтожению древнего зла Земли, как внутри, так и вовне самого Человека, в полной уверенности, что Человек – всего лишь мелкий и относительно недавний феномен во Вселенной, знавшей разум, добро и зло на протяжении неизмеримо долгого времени. Темные силы действительно разрушили Блоун-хаус, фактически устранив Титуса Кроу со сцены. Что же касается меня... то я недавно на нее вернулся.

Но после того как я посетил руины старого дома Кроу, все последние годы (может быть, потому, что течение времени

столь мало для меня значит?) меня все больше занимает сама природа столь хорошо запомнившегося мне нападения, природа самих всеуничтожающих ветров, которые столь целенаправленно обрушились на дом, сровняв его с землей. Думая о них, я часто мысленно возвращаюсь в еще более отдаленные времена, когда Кроу впервые поведал мне странную историю, случившуюся с мистером Штурмом Магрусером V.

* * *

Письмо Кроу, написанное от руки на единственном листе бумаги, на котором еще не высохли чернила, в запечатанном конверте без адреса, доставленном мне водителем такси, было столь же кратким, сколько загадочным, что, впрочем, меня нимало не удивило, ибо подобное было для Кроу делом обычным. Когда Титус Кроу бездельничал, любому, кто желал с ним пообщаться, приходилось долго дожидаться, когда он до этого снизойдет. Но когда он спешил...

Анри,

Приезжай как можно быстрее, полночь вполне устроит. Рассчитываю на то, что ты останешься ночевать. Если ты не ужинал – не страшно, еда тут есть. Я должен кое-что тебе рассказать, а утром мы отправимся на кладбище!

До встречи,

Титус

Проблема с подобными приглашениями заключалась в том, что я никогда не мог от них отказаться! Учитывая, что Кроу был одним из выдающихся оккультистов Лондона, а мой интерес к подобным вещам порой превосходил все границы, да и вообще из-за того, что приглашение было столь кратким, для меня оно прозвучало словно королевский приказ!

Отказавшись от ужина, я написал несколько писем, не терпящих отлагательства, и, заклеив их в конверты и наклеив марки, оставил записку моей экономке миссис Адамс, попросив их отослать и сообщив, что мне нужно срочно отправиться в Блоун-хаус. Несомненно, прочитав этот адрес, она наверняка проворчала бы что-нибудь насчет дурного влияния «этого отвратительного Кроу», поскольку в ее глазах в моем глубоком увлечении темными материями был виноват именно Титус. На самом же деле я, скорее всего, унаследовал его от отца, великого мистика из Нью-Орлеана, Этьен-Лорана де Мариньи.

Затем, поскольку время уже близилось к двенадцати и я опаздывал на «встречу», я вызвал по телефону такси, тщательно проверил, что мои древние сокровища надежно заперты, и наконец надел плащ. Где-то через полчаса, примерно в четверть первого, я стоял на пороге дома Кроу и колотил в тяжелую дубовую дверь; услышав шум подъезжающего такси, он тут же вышел мне навстречу. Как всегда, загадочно улыбаясь и слегка наклонив голову набок, он в очередной

раз провел меня в чудесную пещеру Аладдина, каковой являлся Блоун-хаус.

Кроу был моим другом еще с тех пор, когда отец отправил меня ребенком в Америку в конце тридцатых, и никто не знал его лучше, чем я; и тем не менее, сколь часто бы я с ним ни встречался, на меня каждый раз производили впечатление его осанка, его львиная внешность и светившаяся в пронизательных темных глазах мощь интеллекта. В огненно-красном халате с широкими рукавами его легко можно было бы принять за волшебника со страниц мифа или фантастического романа.

В своем кабинете он взял у меня плащ, усадил в плетеное кресло перед горящим камином, бросил небольшое полено на тлеющие угли и налил мне привычный бокал бренди, прежде чем устроиться в кресле рядом. Пока он этим занимался, я воспользовался возможностью, чтобы восхищенно окинуть взглядом чудесную комнату.

Кроу сам обставил ее всем, что считал важным для своего собственного мира, и я мог бы потратить десять лет на изучение ее содержимого, не сумев понять и пятой части того, что я читал или видел. Однако могу коротко и достаточно бесстрастно описать то, что я видел со своего кресла.

Его «библиотека», полки которой занимали целую стену, включала в себя такие труды, как ужасный «Хтаат Аквадинген» (в переплете из человеческой кожи!), «Подлинные заметки о Некрономиконе» Фири (полное издание, в отличие

от моей сокращенной копии), «Фрагменты Г'харна» в переводе Уэнди-Смита, возможно, поддельный, но, тем не менее, бесценный экземпляр «Пнакотических рукописей», «Люди Монолита» Джастина Джеффри, в буквальном смысле сказочные «Культы упырей» (которые он собирался подарить мне на следующий день рождения, после того как извлек из них всю необходимую информацию), «Записи Гефа», «Заметки о Нитокрисе» Уордла, «Пограничный гарнизон» Урбикуса примерно 183 года нашей эры, «Атлантида» Платона, редкое иллюстрированное издание Полного собрания сочинений По в трех объемистых томах, куда более древние труды таких авторов, как Иосиф, Магнус, Леви и Эрдшлюсс, и собрание книг об океанских верованиях и легендах, включавшее в себя такие работы, как «Гидрофины» Гэнтли и «Фишбух» Конрада фон Тернера 1598 года. И я лишь перечислил то, что непосредственно бросалось в глаза...

В темном углу стоял предмет, всегда приводивший меня в не меньшее восхищение, чем самого Кроу – большие, покрытые иероглифами старинные часы в форме гроба, тиканье которых казалось нерегулярным и неестественным, а четыре стрелки двигались независимо друг от друга и вне какой-либо связи с любой хоть сколько-нибудь знакомой мне системой отсчета времени. Кроу купил их на аукционе несколько лет назад, полагая, как он утверждал, что они когда-то принадлежали моему отцу, о чем я тогда ничего не знал.

Что же касается общей обстановки кабинета – широкие

окна были задернуты шелковыми занавесками, пол устилали дорогие бухарские ковры, на стенах висело множество оригиналов Обри Бердслея – некоторые весьма эротического содержания – в не менее дорогих рамах из палисандрового дерева. В кабинете чувствовалась смешанная странным образом атмосфера – мягкое спокойное тепло Старого Мира, и, вместе с тем, чужой холод внеземных сфер.

Надеюсь, я сумел в достаточной степени передать некоторые черты натуры Титуса Кроу и его кабинета в расположившемся на вересковой пустоши Леонардс-Хит бунгало, известном как Блоун-хаус... Что же касается того, почему я там оказался...

– Полагаю, тебе интересно знать, – помолчав, начал Кроу, – почему я пригласил тебя приехать, притом в такой час и столь холодной ночью, когда, несомненно, у тебя хватает и других дел? Что ж, не стану держать тебя в неведении. Но сначала мне очень хотелось бы знать твое мнение кое о чем.

Встав, он подошел к столу и вернулся с толстой папкой газетных вырезок, открыв ее на заранее отмеченной странице. Большинство вырезок пожелтели и выцвели, но той, которую показал мне Кроу, было всего несколько недель. На ней виднелась фотография, сопровождавшаяся следующим текстом:

Мистер Штурм Магрусер, глава «Магрусер Системс», все-

мирно известной британской оружейной компании, в одном шаге от получения заказа на два миллиона фунтов от Министерства обороны, связанного с секретной на данный момент системой национальной обороны. Мистер Магрусер, который сам разработал новую систему, не стал давать комментариев в ответ на вопрос нашего репортера, покидая загородный дом одного из официальных лиц Министерства обороны, но, по слухам, его компания близка к созданию оборонной системы, после которой атомную бомбу можно будет считать полностью устаревшей. Утверждается, что испытания запланированы на ближайшее будущее, после чего ожидается, что Министерство обороны примет окончательное решение...

* * *

– Ну? – спросил Кроу, когда я еще раз перечитал заметку. Я пожал плечами.

– К чему ты клонишь?

– Не впечатляет?

– Конечно, я слышал о нем и о его компании, – ответил я, – хотя, кажется, впервые увидел его фотографию, но за исключением этого...

– Ага! – прервал меня Кроу. – Отлично! Ты впервые увидел его фотографию, и при этом он весьма известная фигура, о его фирме постоянно говорят в новостях, и так далее.

Я тоже впервые ее увидел.

– Вот как? – озадаченно сказал я.

– Да, это очень важно, Анри. Могу даже рискнуть предположить, что фотографии мистера Магрусера появляются крайне редко.

– И что? Возможно, он стесняется камеры.

– Так оно и есть, и на то имеются весьма серьезные причины. К этому мы тоже перейдем, а пока давай поужинаем!

Именно эта черта характера Кроу всегда меня раздражала – его склонность перескакивать с одной темы на другую, как бы между делом, ничего не объясняя и вынуждая постоянно блуждать в потемках. Конечно, он поступал так лишь тогда, когда знал, что его слушателям никуда не деться. Но в данном случае вряд ли он собирался меня помучить, просто дал возможность подумать немного самому – чем я и занялся, пока он нес с кухни холодного жареного цыпленка.

II

Штурм Магрусер... В самом деле, необычное имя. Естественно, иностранное. Может, венгр? Маг... мадьяр? Впрочем, я в этом сомневался; несмотря на явно восточные черты, кожа его отличалась бледностью. А его имя, Штурм? Если бы я чуть лучше владел языками, возможно, я до чего-нибудь и додумался бы. И еще его странная скрытность, плюс замечание Кроу, что его фотографии появляются край-

не редко?

Когда мы поели, Кроу спросил:

– Что скажешь насчет V после его фамилии?

– Гм? Ну, сейчас это довольно распространенная мода, – ответил я, – особенно в Америке. Это означает, что он пятый в своем роду, пятый Штурм Магрусер.

Кроу кивнул и нахмурился.

– Ты так думаешь? В данном случае вряд ли, поскольку он поменял имя после смерти родителей. – В голосе его вдруг почувствовалось напряжение, но прежде чем я успел спросить его, в чем дело, он снова расслабился. – А что скажешь насчет его национальности или, вернее, происхождения?

– Румын? – спросил я наугад.

Он покачал головой.

– Перс.

– Сильно же я ошибся, да? – улыбнулся я.

– Как тебе его лицо? – настаивал Кроу.

Взяв папку с вырезками, я снова взглянул на фотографию.

– В самом деле, странное лицо. Какое-то бледное...

– Он альбинос.

– А! – сказал я. – Ну да. И еще ему, похоже, очень не нравится, что его фотографируют.

Он снова кивнул.

– Верно предполагаешь... Ладно, Анри, хватит пока об этом. Сейчас расскажу тебе, какие я сделал выводы из этой заметки, когда впервые ее увидел. Как ты знаешь, я собираю

всевозможные вырезки из тех или иных источников, кусочки фактов и фрагменты информации, которые меня интересуют или кажутся мне необычными. Мне рассказывали, что многие оккультисты заядлые коллекционеры. Тебе самому нравятся древности, старые книги и безделушки, во многом как и мне, но ты не отдаешь им всего себя, как я. И тем не менее, если ты изучишь все мои собрания вырезок, ты, скорее всего, обнаружишь, что эта, пожалуй, самая обыденная из всех них. По крайней мере, внешне. Мне же она показалась весьма пугающей и тревожной.

Он сделал паузу, чтобы налить еще бренди, и я наклонился ближе к нему, желая в точности узнать, что он имеет в виду.

– Да, – наконец продолжил он, – ты считаешь меня странным типом, но я вовсе не эксцентричен, в обычном смысле этого слова. И даже если это так, – поспешно добавил он, – это мой выбор. Так или иначе, я считаю, что с моим душевным здоровьем все в порядке.

– Ты самый здравомыслящий человек из всех, кого я встречал, – сказал я.

– Я бы не стал утверждать столь уверенно, – ответил он, – и, возможно, вскоре у тебя появится повод изменить свое мнение, но на данный момент я в здравом уме. И как в таком случае я могу объяснить то омерзение, то болезненное отвращение, тот ужас, которые охватили меня после того, как я открыл утреннюю газету и наткнулся на ту фотографию Ма-

грусера? Я не мог этого объяснить... – Он снова замолчал.

– Предчувствие? – спросил я. – Предупреждение?

– Конечно! – ответил он. – Но о чем, и откуда? И чем больше я смотрел на эту проклятую фотографию, тем больше убеждался, что столкнулся с чем-то чудовищным! Увидев его рассерженное, застигнутое врасплох камерой лицо, я узнал его – хотя никак не мог его знать.

– Ага! – сказал я. – Ты имеешь в виду, что знал его раньше, под его прежним именем?

Кроу улыбнулся, и его улыбка показалась мне слегка усталой.

– Мир прежде знал его под несколькими именами, – ответил он, и улыбка исчезла с его лица. – Кстати, если уж зашла об этом речь – что ты скажешь о его имени?

– Штурм? Я уже об этом думал. Похоже на немецкое?

– Отлично! Да, немецкое. Его мать была немкой, а отец персом, оба натурализовались в Америке в начале века. Они покинули Америку и приехали сюда во время маккартистской «охоты на ведьм». Штурм Магрусер, кстати, родился первого апреля 1921 года. Это важная дата, Анри, и не просто потому, что это День дурака.

– Он довольно молод, – заметил я, – для того положения, которого успел достичь.

– Верно, – кивнул Кроу. – Через месяц ему исполнилось бы сорок три.

– Исполнилось бы? – меня удивил тон голоса Кроу. – Зна-

чит, он умер?

– К счастью, да, – ответил он. – Магрусер, и вместе с ним его проект! Он умер позавчера, четвертого марта тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года – тоже важная дата. Об этом говорили во вчерашних новостях, но я не удивлен, что ты их пропустил. Ему уделили не слишком много места, и после него, насколько я знаю, не осталось никого, кто стал бы его оплакивать. Что же касается его «секретного оружия», – Кроу невольно вздрогнул, – его секрет умер вместе с ним. За что мы тоже должны быть благодарны.

– Значит, кладбище, которое ты упоминал в письме – то самое, где его должны похоронить? – предположил я.

– Кремировать, – поправил он. – Где его пепел развеют по ветру.

– По ветру! – Я щелкнул пальцами. – Теперь понял! «Штурм» значит «буря» – это немецкое слово, означающее бурю!

– И опять верно, – кивнул Кроу. – Но давай не будем торопиться?

– Торопиться! – фыркнул я. – Друг мой, я вообще ничего не понимаю!

– Не совсем так, – возразил он. – Перед тобой головоломка, для которой нет исходной картинки. Сложить ее нелегко, но как только ты закончишь складывать рамку, постепенно лягут как надо и остальные фрагменты. Итак, я говорил о том, как три недели назад увидел фотографию Магрусера.

ра. Помню, я тогда только что встал, и еще в халате принес утреннюю газету, чтобы почитать. Занавески были открыты, и за ними был виден сад. Было довольно прохладно, но вполне терпимо для этого времени года. Утро было сухим, и вереск словно манил меня, так что я решил прогуляться после того, как прочитаю новости и позавтракаю. Потом я открыл газету – и увидел перед собой лицо Штурма Магрусера!

Анри, я выронил газету, словно она была из раскаленного железа! Увиденное настолько потрясло меня, что мне пришлось сесть, чтобы не упасть. Меня довольно трудно вывести из равновесия, и можешь себе представить, какое потрясение требуется моему организму, чтобы настолько на него повлиять. А потом, когда я сел и нагнулся, чтобы поднять газету, случилось еще одно.

В саду неожиданно поднялся сильный ветер. Задрожала живая изгородь, над дорожкой взметнулась прошлогодняя листва. Вспорхнули птицы, словно почувствовав присутствие кого-то или чего-то невидимого. И внезапно возникли маленькие смерчи, пыльные вихри, поднимавшие в воздух листья, гравий и прочий мусор. Пыльные вихри, Анри, в марте, в Англии – полдюжины смерчей, пронесшихся вокруг Блоун-хауса в течение получаса! В любых иных обстоятельствах это был бы удивительный, чудесный феномен.

– Но не для тебя?

– Нет, – покачал он головой. – Тогда – нет. Я скажу тебе, что они значили для меня, Анри. Они говорили мне, что

точно так же, как я узнал... нечто, узнали и меня самого! Понимаешь?

– Честно говоря, нет, – на этот раз была моя очередь покачать головой.

– Неважно, – помолчав, сказал он. – Достаточно того, что я воспринял эти странные вихри как знак того, что я действительно почувствовал нечто невыразимо опасное и непристойное в этом Штурме Магрусера. Мое открытие настолько меня напугало, что я сразу же занялся выяснением всего, что мог о нем узнать, чтобы понять, в чем заключается угроза и как лучше всего ее избежать.

– Могу я тебя на секунду прервать? – попросил я.

– Гм? Да, конечно.

– Насчет тех дат, про которые ты говорил, что они важны. Даты рождения и смерти Магрусера. В каком смысле они важны?

– А! До этого мы еще дойдем, Анри, – улыбнулся он. – Может, ты этого и не знал, но я также в каком-то смысле нумеролог.

На этот раз улыбнулся я.

– Ты имеешь в виду – вроде тех, что измеряют Великую пирамиду и находят в ее размерах разгадку тайн вселенной?

– Не будь столь несерьезен, де Мариньи! – отпарировал он и сразу перестал улыбаться. – Я не имел в виду ничего подобного. И в любом случае, не спеши высмеивать пирамидологов. Кто ты такой, чтобы утверждать, что может быть,

а чего не может? Пока ты сам чего-то не постиг, относись к этому с уважением.

– О! – только и смог сказать я.

– Что касается дат рождения и смерти – попробуй эти: тысяча восемьсот восемьдесят девять, тысяча девятьсот сорок пять.

Нахмурившись, я пожал плечами.

– Для меня они ничего не значат. Они тоже важны?

– Это даты жизни Адольфа Гитлера, – сказал он, – и если ты сложишь отдельные цифры, ты обнаружишь, что они образуют пять девяток. Девять – важное число в оккультизме, означающее смерть. Число Гитлера девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять показывает, что он был настоящим Ангелом Смерти, и никто не мог бы в том усомниться! Кстати, если умножить пять на девять, получится сорок пять, последние две цифры числа тысяча девятьсот сорок пять – года его смерти. Это всего лишь один пример из древней науки. Так что, прошу тебя, Анри, не смейся больше над нумерологией...

Несмотря на замешательство, до меня все же начала доходить суть рассуждений Кроу.

– Ага! – снова сказал я. – У Штурма Магрусера, как и у Гитлера, даты жизни тоже складываются в сорок пять? Я прав? Посмотрим... первое число четвертого месяца тысяча девятьсот двадцать первого года... это будет восемнадцать... и четвертое число третьего месяца тысяча девятьсот шесть-

десять четвертого... получается сорок пять!

Кроу кивнул и вновь улыбнулся.

– Да, ума тебе не занимать, Анри, – но ты упустил самое важное. Но сейчас это не имеет значения, продолжу свой рассказ...

Я уже говорил, что решил выяснить все возможное об этом человеке со странным именем, который сторонился камеры, владел крупным международным концерном и был способен напугать меня так, как никто прежде. Не спрашивай меня почему, но я знал, что действовать нужно быстро. Оставалось слишком мало времени до того... до того, как что-то произойдет.

Сначала, однако, я связался с моим другом в Британском музее, куратором Отдела особых изданий, и попросил его найти кое-что для меня в «Некрономиконе». Когда-нибудь я тебя с ним познакомлю, Анри. Он прекрасный человек. Похоже, немного не от мира сего – иначе и быть не может, если работаешь в таком месте, – но он столь свободен от злобы и греха, столь наивен и невинен, что я уверен – даже самое великое зло попросту не пристанет к нему. Что, впрочем, и к лучшему. Я никогда бы не попросил чересчур любопытного или подозрительного человека проникнуть в зловещие тайны книги Альхазреда.

Наконец я смог полностью сосредоточиться на Магрусере. Был полдень, и мой разум лихорадочно работал уже несколько часов, так что я начал чувствовать усталость, не столь-

ко физическую, сколько душевную. У меня также возникло странное ощущение, будто за мной наблюдают и наблюдатель таится где-то в моем саду!

Стараясь об этом не думать, я начал осторожно расспрашивать по телефону насчет Магрусера, но едва я произнес его имя, меня вновь охватило то же чувство, на этот раз более сильное, словно на весь дом опустилось невыразимое зло. А подняв взгляд от телефона, я снова увидел тень покачивающегося пыльного вихря, игравшего с листьями и ветками посреди дорожки.

III

– Страх мой сменился злостью. Что ж, если это война... то придется мне применить собственное оружие. Или если не оружие, то уж точно средства защиты.

Не буду вдаваться в детали, Анри, но ты знаешь, что я имею в виду. Я давно обладаю необходимыми знаниями, чтобы создавать своеобразные барьеры от сил зла; ни одному оккультисту или изучающему подобные вещи, который хоть чего-то стоит, без них не обойтись. Но недавно мне повезло, и я стал обладателем некоего... следует ли мне назвать его «заклинанием»? – по слухам, куда более действенного, чем все прочие.

О том, как мне в руки попало это «заклинание».

В декабре в Лондон прибыл Тельред Густау из Исландии,

где он изучал извержение вулкана Сэртси. Во время извержения Густау выловил из моря некий очень древний предмет – по сути, настоящую капсулу времени из незапамятных эпох. Когда он связался со мной в середине декабря, он все еще не мог скрыть возбуждения. Он сказал, что ему требуется мой опыт, чтобы помочь разгадать тайну «старше самих динозавров» – его слова.

Я работал вместе с ним до середины января, когда он внезапно получил предложение из Америки совершить тур с лекциями. От этого предложения он не мог отказаться – оно давало ему средства для исследований на несколько ближайших лет. Он уехал. К тому времени я настолько был захвачен работой, что едва не поехал вместе с ним. К счастью, этого не случилось.

Кроу сделал паузу, чтобы наполнить бокалы.

– Конечно, – сказал я, воспользовавшись возможностью. – Я знал, что ты чем-то очень занят. С тобой было очень тяжело связаться, а ты, значит, все это время был у Густау в Вулидже. Но над чем именно ты работал?

– А! – ответил он. – Об этом должен рассказать сам Густау, что, я полагаю, он вскоре и сделает. Хотя одному богу известно, воспримет ли его кто-либо всерьез. Что касается того, что могу сообщить тебе я... мне придется взять с тебя слово, что все останется в строжайшей тайне.

– Ты же знаешь, что можешь на меня положиться, – сказал я.

– Очень хорошо... Во время извержения вулкан Сэртси выбросил... некий контейнер, Анри, ту самую «капсулу времени», о которой я говорил. То, что оказалось внутри... фантастика!

Это были записи из доисторического мира, Тим'хдры, древнего континента, которые послал нам сквозь века один из величайших магов этого мира, чародей Тех Атхт, потомок могущественного Милахриона. Увы, они были написаны на неизвестном языке той древней земли, собственной рукой Тех Атхта, а Густау случайно лишился средств для их перевода. Но в его распоряжении имелся ключ, его собственный великий гений, и...

– И ты, – улыбнулся я. – Один из величайших палеографов страны.

– Да, – сухо и без особой гордости кивнул Кроу, – второй лишь после профессора Гордона Уэлмсли из Гуля. Так или иначе, я помог Густау чем мог, и во время работы наткнулся на могущественное заклинание против вредоносной магии и прочих сверхъестественных угроз. Густау позволил мне сделать копию для себя, и так я стал обладателем фрагмента древней магии из незапамятных времен. Судя по тому, что я смог понять, Тим'хдра существовала во времена чародеев, и сам Тех Атхт пользовался этим заклинанием, чтобы отогнать зло.

Что ж, заклинание было у меня в руках, и я решил им воспользоваться. Сделав необходимые приготовления, я ввел

себя в требуемое душевное состояние. Это заняло время почти до вечера, и с каждой минутой ощущение надвигающейся гибели все усиливалось, вплоть до того, что я готов был уже все бросить и бежать прочь. И если бы я не был уверен, что подобное бегство не станет чудовищным предательством – признаюсь, я так бы и поступил.

Так или иначе, когда я ввел себя в нужное состояние и произнес определенные слова, эффект последовал незамедлительно!

Казалось, будто весь дом залил дневной свет; мрак тут же рассеялся, дух мой воспарил, а бесплотный смерч в саду превратился в кучку мусора и пыльной листвы. Заклинание Тех Атхта и впрямь подействовало...

– А потом ты снова переключился на Штурма Магрусера? – спросил я после нескольких минут молчания.

– Не в тот вечер. Я слишком устал, Анри. День чересчур меня вымотал. Нет, я был больше ни на что не способен. Я проспал всю ночь глубоким сном без сновидений, когда в девять утра меня разбудил телефонный звонок.

– Твой друг из Отдела редких книг? – предположил я.

– Да, и он просил меня помочь сузить область поиска. Как ты понимаешь, «Некрономикон» – весьма объемистая книга, по сравнению с которой «Заметки» Фири кажутся брошюровкой, и многие из ее частей весьма многословны. Проблема заключалась в том, что я даже не был уверен, содержится ли в ней то, что я ищу; я лишь полагал, что читал там об

этом. Если же нет... – он махнул рукой в сторону своей более чем обширной оккультной библиотеки, – тогда ответ должен был быть где-то в другом месте, и поиски его стали бы столь же трудновыполнимой, если вообще возможной, задачей. По крайней мере, в отпущенное мне время.

– Ты постоянно намекаешь на срочность, – нахмурился я. – Что значит – «в отпущенное время»?

– Естественно, то время, в течение которого нужно было убрать Магрусера! – ответил он.

– Убрать? – я едва поверил собственным ушам.

Кроу вздохнул и сказал прямо:

– Время, в течение которого я должен был его убить!

Я попытался сохранять спокойствие.

– Значит, ты решил от него избавиться. Это было необходимо? – спросил я, стараясь, чтобы мои слова звучали не слишком несерьезно.

– Крайне. И, как только мои поиски стали давать результаты, смерть его становилась все более неизбежной с каждой минутой! В течение последующих нескольких дней я узнал некоторые весьма интересные и весьма пугающие факты о нашем мистере Магрусере, в том числе о его удивительном возвышении из неизвестности и о его могуществе как здесь, так и за границей. Его компания располагалась в семи разных странах, всего десять заводов, занятых производством оружия, по большей части обычного – на данный момент. Да, Анри, эти числа тоже важны.

Что касается его нынешнего проекта – завершения разработки «секретного оружия» или «системы обороны», то в нем я обнаружил самый корень и сущность зла, после чего окончательно убедился в своем решении, что Магрусер действительно должен умереть!

Было уже начало четвертого утра, и огонь в камине почти погас. Пока Кроу ходил на кухню, чтобы приготовить легкую закуску, я подбросил поленьев в огонь и вздрогнул – отнюдь не только из-за ночного холода. Рассказ Кроу и его манера изложения настолько захватили меня, что я начал расхаживать по комнате, размышляя над всем услышанным, в том числе о заявленном намерении Кроу... убить?.. Штурма Магрусера, который теперь, судя по всему, был мертв.

Проходя мимо стола Кроу, я заметил старинную семейную Библию в двух томах. Новый Завет был открыт, но я не посмотрел, на какой книге или главе. На столе также лежали несколько книг по криптологии, нумерологии, даже одна по астрологии, к которой, насколько я знал, обладавший научным складом ума Кроу никогда не питал особой веры или интереса. Среди них был основательно зачитанный экземпляр «Заметок по дешифровке кодов, криптограмм и древних надписей» Уэлмсли, а также открытый блокнот с таинственными набросками и диаграммами. Мой друг действительно был занятым человеком.

Кроу принес сыр и крекеры, а затем продолжил свой рассказ, снова намекнув на чудовищную мощь «секретного ору-

зия» Магрусера.

– Анри, – начал он, – среди Оркнейских островов есть один островок, который до середины 1961 года был зеленым и красивым прибежищем для морских птиц. Слишком маленький и уединенный, чтобы на нем кто-то поселился, и слишком холодный и открытый всем стихиям зимой, он оставался необитаемым, и на нем редко бывали люди. Магрусер купил его, какое-то время работал там, а в феврале шестьдесят второго...

– Да?

– Пыльная буря!

– Пыльная буря? – переспросил я. – Какие-то химикаты?

Кроу пожал плечами.

– Не знаю в точности, как работает его оружие, мне известен лишь его результат, а также то, что для приведения его в действие требуется огромное количество энергии. Судя по тому, что мне удалось выяснить, он использовал для своего эксперимента на Оркнейских островах силы природы, чудовищную энергию грозы. Да, и еще одно: это оружие – вовсе не система обороны!

– И, конечно, тебе известно, – спросил я, – что он собирался сделать с помощью этого оружия?

– И это тоже, – кивнул он. – Он намеревался уничтожить мир, превратить нас в дикарей, вернуть нас в Темные времена. Короче говоря, нанести удар, от которого человечество никогда бы не оправилось.

– Но...

– Дай мне договорить. Магрусер намеревался превратить мир в пустыню, начать цепную реакцию, которую невозможно было бы остановить. Возможно, могло быть даже хуже. Он мог поставить своей целью полное уничтожение человечества – вообще без выживших!

– У тебя были подтверждения?

– Были доказательства... Что касается подтверждения – он ведь мертв, не так ли?

– Значит, ты действительно его убил?

– Да.

– Какие доказательства у тебя были? – помолчав, спросил я.

– На самом деле – три типа доказательств, – ответил он, снова расслабившись в кресле. – Первое: свидетельства моих собственных пяти чувств, и, возможно, шестого чувства, благодаря которому я узнал его с самого начала. Второе: тот факт, что он проводил свои эксперименты и в других местах, всегда с одним и тем же результатом. И третье...

– Да?

– Сведения, которые я получил по правительственным каналам. В молодости я работал на Министерство обороны, Анри. Ты знал об этом? В то время оно называлось Военным департаментом. Во время войны я расшифровывал для них коды и консультировал их на тему оккультных интересов Гитлера.

– Нет, – сказал я. – Никогда про это не знал.

– Ну, конечно же, нет, – ответил он. – Никто не знает моего числа, Анри, – он улыбнулся. – Ты знал, что сразу за восточногерманской границей в Берлине якобы хранится в бункере экземпляр «Некрономикона»? И знал ли ты, что к Гитлеру в его последний час подошел в его собственном бункере некий еврей – можешь себе представить? – еврей, который прошептал ему что-то, прежде чем тот покончил с собой? Полагаю, я знаю, что он прошептал, Анри. Думаю, он произнес слова: «Я знаю тебя, Адольф Гитлер!»

– Титус, – сказал я, – во всей этой истории слишком много свободных концов, которые я пытаюсь связать воедино. Ты дал мне множество намеков, и тем не менее...

– Все сойдется, Анри, – успокоил он меня. – Все сойдется. Дай мне продолжить...

Когда я обнаружил, что двухмиллионный заказ Магрусера от Министерства обороны был вовсе не заказом, но всего лишь использованием оборудования стоимостью в два миллиона фунтов, и как только я понял, что это за оборудование, я догадался, что он замышляет. В довершение, мне, наконец, позвонили из Британского музея, и я получил всю информацию, которая мне требовалась, но лишь после того, когда я действительно встретился с ним лицом к лицу.

Во-первых – правительственное «оборудование», на которое Магрусер сумел наложить руки: атомные бомбы стоимостью в два миллиона фунтов!

IV

– Что? – изумленно переспросил я. – Ты шутишь!

– Нет, – ответил он, – я не шучу. Они должны были обеспечить его энергией, необходимой, чтобы привести в действие его смертоносное оружие, начать цепную реакцию. Магрусер умел убеждать, и, можешь поверить мне, сейчас некоторым лицам в определенных правительственных кругах придется поплатиться. Я сообщил куда следует, естественно, анонимно, о том, что он собирался сделать, и о гибели, которой миру едва удалось избежать. Семь стран, Анри, и семь атомных бомб. Семь одновременных взрывов, приводящих в действие его собственное, куда более ужасное оружие, цепную реакцию, которая должна была распространиться по всему миру!

– Но... как... когда это должно было случиться? – запинаясь, спросил я.

– Сегодня, – ответил он, – в десять утра, через пять часов с небольшим. Бомбы уже стояли наготове на его заводах, ожидая назначенного времени. Сейчас, конечно, их уже убрали, а заводы уничтожили. Теперь Британии придется отвечать перед главами шести иностранных государств, и наверняка покатаются головы рангом пониже. Но все будет очень тихо, и мир никогда об этом не узнает.

– Но какова была его цель? – спросил я. – Он что, сума-

шедший?

Кроу покачал головой.

– Сумасшедший? Нет. Хотя он и был рожден людьми, он даже не был человеком в полном смысле этого слова. Или, возможно, он был более чем человеком. Некоей силой, мощью...

Неделю назад я был на домашней вечеринке у своего друга из Министерства обороны. Там должен был присутствовать Магрусер, и именно потому там был и я. Должен сказать, что для этого пришлось кое-что организовать, причем весьма осторожно, поскольку я не мог позволить, чтобы кто-либо узнал о моих подозрениях. Впрочем, кто бы все равно мне поверил?

На вечеринке мне в конце концов удалось припереть Магрусера – весьма странную личность – к стене, и, оказавшись с ним лицом к лицу, я окончательно удостоверился, что это действительно он. Теперь я знал, вне всякого сомнения, что Магрусер – в самом деле величайшее зло, когда-либо существовавшее в мире! Может, это и звучит мелодраматично, Анри, но тут я ничем не могу помочь.

И все же, при взгляде на него... любой другой мог ощутить жалость. Как я уже говорил, он был альбиносом, с белыми как снег волосами и такой же кожей, на которой выделялись лишь бледные вены на шее и лбу. Он был высок и худ, с крупной головой, размеры которой намекали одновременно на слабоумие и гениальность, и большими, близко посажен-

ными розовыми глазами с красными зрачками. Я знал женщин, достаточно извращенных, которые могли бы назвать его привлекательным, и некоторых мужчин, которые могли бы позавидовать его деньгам, власти и положению. Что касается меня, он показался мне отталкивающим! Но, конечно, мнение мое было основано на том, что я знал правду.

Ясно было, что ему не хочется здесь находиться, судя по загнанному взгляду, столь заметному на фотографии. Он боялся, Анри, боялся, что его остановят, ибо он, конечно, понимал, что кто-то узнал его. Не знал он лишь того, что этот кто-то — я.

О, он сильно нервничал, этот Магрусер. Лишь тот факт, что этим вечером он должен был получить ответ, добро из министерства, заставил его выйти из укрытия. И он действительно получил добро, после чего, как я уже сказал, я припер его к стене.

– Погоди, – умоляюще попросил я. – Ты говорил, он понимал, что его узнали. Откуда?

– Он понял это в то же самое мгновение, что и я, Анри, в тот же миг, когда его вихри появились в моем саду! Но я уничтожил их, к счастью, до того, как он сумел выяснить, кто я. Можешь не сомневаться, он пытался меня выследить, но меня защищали барьеры, которые я поставил вокруг Блун-хауса. Сейчас, однако, я тоже был полностью открыт...

– Но я до сих пор не понимаю, как можно было обманом заставить британское правительство выдать ему несколько

атомных бомб! – настаивал я. – Мы что, все в руках безумцев?

Кроу покачал головой.

– Тебе следовало бы знать, – сказал он, – что британцы ничего не дают просто так. То, что должно было получить правительство, намного превосходило жалкие два миллиона фунтов. Магрусер пообещал поставить энергетический экран, Анри, силовой купол, закрывающий всю страну, который можно было бы включать и выключать по желанию, после чего Британские острова стали бы полностью неуязвимыми!

– И ему поверили?

– Проводились демонстрации, хоть и поддельные. К тому же давно было известно, что он экспериментирует с «системой национальной обороны». И не забывай, друг мой, что Магрусер никогда не нарушал никаких законов. Он был образцовым гражданином, человеком вне всяких подозрений, поддерживавшим любую благотворительность. Мне кажется, что иногда он даже финансировал само правительство. Но, при всем том, у него не было средств, чтобы привести в действие свое чудовищное оружие. И теперь начинаешь понимать, насколько этот человек был умен и каким он при этом был злодеем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.